

Волчья река

Автор:

[Рейчел Кейн](#)

Волчья река

Рейчел Кейн

Бестселлер Amazon Мёртвое озеро #3

БЕСТСЕЛЛЕР WALL STREET JOURNAL

БЕСТСЕЛЛЕР USA TODAY

БЕСТСЕЛЛЕР AMAZON CHARTS

Продолжение цикла «Мертвое озеро»

Чудовищный монстр, бывший муж Гвен Проктор, в течение долгого времени убивавший молодых женщин, – мертв. Теперь она пытается наладить новую жизнь для своей семьи. Но это невероятно трудно. Ведь еще остались поклонники и последователи бывшего. А родственники его жертв до сих пор убеждены в виновности Гвен, в ее пособничестве мужу, – и не прекращают попыток извести ее...

Но есть и другие – женщины, которым каждый день угрожают расправой мужчины. Они ждут от нее помощи и поддержки. Одна из них, из городка Вулфхантер, позвонила Гвен и сказала, что боится за себя и свою дочь. А когда та, бросив все, приехала к ней, женщина была уже мертва, а ее дочь – арестована за убийство матери. Гвен не верит в ее виновность и начинает расследование.

Она еще не знает, что в Вулфхантере ее поджидает смертельная ловушка. Что на нее, как на волка, расставлен капкан. И охотники убеждены: живой она из него не вырвется...

Рейчел Кейн

Волчья река

Rachel Caine

Wolfhunter River

© 2019 by Rachel Caine, LLC.

© М. В. Смирнова, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Пролог

Четыре дня назад

Когда миссис Уиллингем, учительница Элли Уайт, сказала ей, что приехал водитель, чтобы пораньше забрать девочку из школы, Элли сразу поняла, что это не вся правда. Мистер Лу никогда не приезжал за ней раньше положенного времени, если только она не заболела.

– Почему? – спросила Элли. Когда что-то казалось бессмысленным, она задавала вопросы. Может быть, ей и было всего шесть лет, но папа научил ее спрашивать,

если она что-то не понимает. Маму немного смущало то, как часто Элли прибегала к этому.

– Боюсь... боюсь, что его попросил об этом твой папа, – ответила миссис Уиллингем.

Она была доброй женщиной со светлой кожей и легкой проседью в каштановых волосах – и хорошей учительницей. Всегда относилась к Элли так же, как к другим, несмотря на то, что у отца Элли было много денег. И даже несмотря на то, что кожа у девочки была темно-коричневая, темнее, чем у любой другой девочки в классе, которые почти все были белыми, как страницы в журнале.

– Папа никогда так не делает, – сказала Элли. – Что-то не так.

Миссис Уиллингем смотрела на нее, но не на нее.

– Понимаешь, твоя мама заболела, – пояснила она. – Поэтому твой папа отправил машину, чтобы тебя забрали и отвезли в больницу, где он находится вместе с твоей мамой. Хорошо?

Она помогла Элли натянуть свитер, который девочка не хотела надевать, но не хотела и оставлять. Потом подала ей рюкзак.

– Миссис Уиллингем, – спросила Элли, глядя на учительницу, – вы плачете?

– Нет, милая. Со мной всё в порядке. Идем уже. Я провожу тебя, водитель ждет.

– А он назвал пароль?

– Назвал, – подтвердила миссис Уиллингем. – Сегодня пароль «дрозд», верно?

Элли кивнула. В четверг был «дрозд». Каждый день обозначала какая-нибудь птица, потому что она любила птиц, а мама всегда называла ее «маленькой колибри», потому что Элли вечно носилась туда-сюда очень быстро. Но «колибри» было для воскресенья.

Миссис Уиллингем спустилась со школьного крыльца, чтобы поговорить с мистером Лу, который ждал в машине на кольцевой дорожке, проходящей между крыльцом и большим мраморным фонтаном. Существовало правило: Элли никогда не садится в машину, пока миссис Уиллингем не скажет, что всё в порядке. Она долго беседовала с мистером Лу и продолжала при этом плакать.

Сегодня было жарко и влажно, но фонтан всегда оставался прохладным и выглядел красиво. Вода била вверх из бетонных ракушек по бортику и падала в большую раковину посередине. Мама говорила Элли, что когда-то в раковине стояла статуя красивой женщины, но некоторые родители велели школе убрать ее, поэтому сейчас она лежит в какой-то кладовке. И это было грустно.

Миссис Уиллингем вернулась к крыльцу и взяла Элли за руку. Та посмотрела на нее.

– Все будет в порядке, – сказала учительница, но голос ее дрожал, а глаза были красными. – Извини, малышка. Но я должна это сделать. У меня тоже есть семья.

Элли стало жалко ее.

– С вашей семьей все хорошо, миссис Уиллингем? – Она не хотела заставлять ее плакать.

– Да, Элли, с ними все будет хорошо. Ты сможешь мне сделать так, чтобы это обязательно получилось?

Элли не знала, как это сделать, но все равно кивнула. Она хотела помочь, пусть даже на самом деле не понимала, почему миссис Уиллингем считает, будто Элли чем-то может ей помочь.

Миссис Уиллингем открыла дверцу и посадила Элли в машину, хотя обычно это делал мистер Лу. Потом обняла девочку:

– Держись, Элли. С тобой все будет в порядке.

– А как же ваша семья? – спросила Элли. – Разве вы не поедете со мной, чтобы помочь им?

Миссис Уиллингем зажала рот рукой, по щекам ее покатались слезы, и она просто помотала головой. Потом закрыла дверцу, и тогда Элли поняла, что что-то действительно не так. Миссис Уиллингем солгала ей, но Элли не понимала зачем.

А потом она осознала, что всё хуже, чем она думала, потому что выглядела машина правильно, но пахло в ней не так, как обычно пахло в машине, – там это было немного похоже на кокос, ее любимый запах.

– Мистер Лу? – окликнула Элли водителя.

Замок на дверце закрылся с громким «щелк». Она видела водителя на переднем сиденье – большой мужчина в бейсболке. Сама Элли сидела на заднем сиденье и чувствовала себя меньше, чем обычно. Когда машина тронулась с места, девочка быстро пристегнулась. Мистер Лу никогда не начинал движение, пока она не была пристегнута.

– Мистер Лу, что с мамой? Миссис Уиллингем сказала...

Она перестала спрашивать, потому что человек за рулем был не мистер Лу. Глаза, смотревшие на нее в зеркало заднего вида, не были глазами мистера Лу.

– Пристегнись к креслу, – сказал этот человек. Это не был голос мистера Лу. И мистер Лу обязательно сказал бы «пожалуйста».

– Я уже, – ответила Элли. Она была напугана, но не собиралась показывать этого. – Вы знаете пароль?

– «Дрозд», – ответил он. – Правильно?

– Кто вы?

– Я – тот, кто собирается отвезти тебя в безопасное место. Как и просил меня мистер Лу. Хорошо?

– Я позвоню папе, – заявила Элли и расстегнула рюкзак, чтобы достать свой мобильник.

Его не было там, куда она его положила. Элли уж точно не могла нигде оставить телефон. Это была дорогая и нужная вещь, и она всегда клала его в этот карман.

Она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, но запретила себе плакать. Они хотели, чтобы она заплакала, – те, кто забрал ее телефон. Те, кто играл с ней в эту гадкую игру.

– Кто вы?

– Никто, – ответил водитель. – А теперь сиди и молчи.

Внедорожник выехал на шоссе. Элли пыталась разглядеть, куда они едут, но быстро запуталась; ей никогда прежде не было необходимости обращать на это внимание. Школа скрылась за холмом, машина еще несколько раз свернула, и Элли теперь уже совсем не понимала, где они находятся.

Она не знала, что делать. Папа всегда говорил ей, что существуют плохие люди, и она не должна идти с теми, кто не знает пароль, но этот человек знал пароль, а без телефона она не могла нажать кнопку экстренного вызова.

– Выпустите меня, – сказала Элли, стараясь, чтобы это прозвучало так же, как у мамы: круто и уверенно. – Вы можете остановиться вот здесь.

– Заткнись, – отозвался водитель. – И сиди тихо. Если поднимешь шум, я тебе пасть скотчем заклею.

Это напугало Элли еще сильнее, чем то, что она сидит в чужой машине и без телефона, но девочка не собиралась показывать ему свой страх. Она не собиралась плакать. Огляделась по сторонам и попыталась придумать, что еще можно сделать. Дверца не открывалась, так же как и окно. У внедорожника были тонированные стекла, такие же, как в машине мистера Лу, они не пропускали внутрь солнце. Но вдобавок они не давали людям увидеть, что происходит внутри.

Элли осознала нечто ужасное. Она была просто тенью в черной машине за тонированными стеклами; никто не мог ее увидеть, и она не знала, что делать дальше.

Когда Элли начала звать на помощь тех, кто ехал в соседних машинах, водитель свернул, припарковался под мостом среди красивых зеленых деревьев и заклеил ей скотчем рот, а еще связал той же самой лентой руки и ноги. Потом отнес ее к багажному отделению машины, за спинками задних сидений. Там было пусто, не считая спальника, на котором были нарисованы диснеевские принцессы. Элли глухо кричала из-под скотча, извивалась и пыталась освободиться, но водитель положил ее на спальный мешок и покачал головой.

– Лучше усни, – посоветовал он ей и вытер пот с лица. – Нам еще далеко ехать. Веди себя хорошо, и через несколько часов я тебя накормлю. Через пару дней ты будешь дома и сможешь рассказать крутую историю.

Папа всегда говорил ей: «Если плохие люди тебя заберут, не верь тому, что они скажут тебе».

Она не поверила в то, что этот человек вообще отвезет ее домой.

Ей стало очень страшно, когда у нее от плача забился нос и сделалось трудно дышать с заклеенным ртом. Поэтому Элли заставила себя прекратить плакать и начала медленно, ровно дышать. Она по-прежнему была напугана, но к тому же очень устала; наконец просто закрыла глаза и попыталась представить, что находится в другом месте – например, дома с мамой.

Она представляла это так упорно, что и вправду заснула, свернувшись, словно у мамы на коленях. Проснувшись, хотела сказать водителю, что ей нужно пописать, очень нужно, но он разговаривал по телефону, а вокруг было темно и, кажется, они ехали через лес.

Он увидел, как она села, и обернулся. Через лобовое стекло Элли заметила впереди поворот и огибающие его огни фар. Эти огни направлялись прямо на их машину.

Она попыталась крикнуть ему, сказать, чтобы он свернул от другой машины, но водитель нахмурился и сказал:

– Я же велел тебе заткнуться...

И тут другая машина врезалась в них, и все вокруг начало кувыркаться и громко хрустеть, и Элли показалось, что она услышала крик водителя.

«Помогите мне», – хотела сказать она, но ей было слишком страшно и слишком больно, а потом человек перестал кричать и стало совсем тихо.

1. Гвен

Огромный темный глаз телевизионной камеры напоминает мне о плохих вещах.

Очень плохих вещах. Я изо всех сил стараюсь держать в уме, для чего сижу здесь.

Я здесь для того, чтобы прямо и честно поведать свою историю.

Потому что уже слишком долго ее рассказывали другие люди, которые лгали обо мне и моих детях.

Вот уже несколько месяцев об этом говорится во всех новостях. «Сбежавший маньяк похищает свою бывшую жену! Стрельба в доме убийств!» Это всегда пишется для того, чтобы произвести максимально жуткий эффект, и содержит, как правило, хотя бы мимолетное упоминание о том, что я была арестована как его сообщница.

Иногда они вспоминают: нужно сказать, что я была оправдана. Большинство вообще предпочитает забыть эту подробность. Мою электронную почту наводнили сотни сообщений – до такой степени, что я просто закрыла ее и больше туда не заходила. Как минимум половина этих людей предприняли долгую поездку до Стиллхауз-Лейк, чтобы попытаться убедить меня открыть дверь и «изложить свою сторону событий».

Но я не настолько глупа, чтобы сделать это, не узнав предварительно, во что я ввязываюсь. Это появление на телевидении заняло почти месяц подготовки: переговоры, гарантии того, о чем меня будут спрашивать, а о чем не будут. Я выбрала «Шоу Хауи Хэмлина», потому что у Хэмлина хорошая репутация, он сочувствует жертвам всех преступлений и отстаивает справедливость.

Но когда сажусь в кресло для интервью, я все еще чувствую себя не готовой. Я не ожидала, что на меня внезапно накатит паника, что на шее у меня выступит горячий пот. Кресло слишком глубокое, и я чувствую себя уязвимой, примостившись на краешке сиденья. Это всё камера. Я думала, что это пережито и осталось в прошлом, – но нет. Может быть, мне никогда это не удастся сделать.

Камера продолжает глазеть.

Все остальные просто расслаблены. Видеооператор – всего один – болтает с кем-то еще поодаль от своей камеры и ее немигающего глаза. Ведущий шоу совещается с кем-то за сценой, в тускло освещенном, опутанном проводами пространстве. Но я чувствую себя пригвожденной к месту и каждый раз, когда моргаю, вижу другую камеру – установленную на треножке в заброшенном плантаторском доме в Луизиане.

Я вижу своего бывшего мужа и его ужасную улыбку. Я вижу кровь.

«Не обращай на это внимания».

Студия меньше, чем я ожидала. Сцена – всего лишь маленькое возвышение, на котором вокруг маленького блестящего столика расставлены три кресла. На столике лежит несколько книг, но я слишком нервничаю, чтобы рассматривать их. Гадаю, почему тут три кресла. Быть может, их всегда бывает три? Я не знаю. Не могу вспомнить, хотя я заранее смотрела другие выпуски этого шоу, чтобы понять, чего можно ожидать.

«Ты справишься, – говорю я себе и упражняюсь в глубоком дыхании. – Ты уничтожила не одного, а двух маньяков. Это ерунда. Это просто интервью. И ты делаешь это ради детей, чтобы они были в бо?льшей безопасности». Потому что, если я позволю СМИ рассказывать эту историю без меня, они только ухудшат ситуацию.

Но это не помогает. Мне по-прежнему хочется кинуться отсюда прочь и никогда не возвращаться. Единственное, что удерживает меня на месте, – это вид моих детей, Ланни и Коннора, смотрящих на меня из фойе для участников. Это убого отделанное помещение со звуконепроницаемым окном, выходящим в студию, – чтобы люди, сидящие в комнате, могли следить за действием. Ланни с преувеличенным восторгом поднимает оба больших пальца. Я каким-то образом выжимаю из себя улыбку. Знаю, что мой макияж потек от пота. Я уже настолько отвыкла краситься, что мне кажется, будто на мое лицо наложили слой латексной краски, сгладив все мои черты.

От прикосновения к плечу я вздрагиваю, а когда оборачиваюсь, вижу перед собой бородатого типа в бейсболке с каким-то предметом в руке. Я едва не наношу ему удар, но потом понимаю, что это всего лишь маленький микрофон с прикрепленным к нему длинным шнуром.

– Я передам вам это; пропустите шнур под рубашкой и прицепите микрофон к воротнику, хорошо? – говорит бородач. Полагаю, он видит, насколько я взвинчена, потому что делает шаг назад.

Я просовываю крошечный микрофон под подол своей блузки и вытягиваю на положенное ему место; когда я закрепляю клипсу на воротнике, бородач кивает и кладет позади меня в кресло аккумулятор.

– Хорошо, всё работает, – говорит он. Я благодарю его, но благодарности не чувствую. Провод холодит мою голую кожу. Я гадаю, улавливает ли микрофон мое частое неглубокое дыхание. На всякий случай перекальваю его подальше.

– Две минуты, – говорит кто-то из темноты, и я подскакиваю. Ведущий все еще задерживается за сценой. Я чувствую себя совершенно одинокой и беззащитной. Вспыхивает свет, ослепляя меня; мне приходится подавить желание вскинуть руку, чтобы закрыться от этого блеска. Я сплетаю пальцы, чтобы не вертеть ими в беспокойстве.

При оповещении о минутной готовности на возвышение выходит ведущий. Это крепко сложенный белый мужчина средних лет, темные волосы тронуты серебром на висках. Он облачен в красивый темно-синий костюм, и я немедленно принимаюсь гадать: быть может, я одета слишком просто? Или, наоборот, слишком многослойно? Это непохоже на меня. Такие вещи меня не заботят.

Обычно. Но, опять же, я никогда не выступала на телешоу в прямом эфире. Во всяком случае – по собственной воле.

– Добрый день, Гвен, рад вас видеть, – говорит он и пожимает мне руку. Его ладонь кажется теплой по сравнению с моими ледяными пальцами. –
Послушайте, ни о чем не беспокойтесь. Знаю, что это действует на нервы, но я помогу вам пройти это испытание, хорошо? Просто верьте мне. Я не дам вас в обиду.

Киваю. Сейчас у меня уже нет выбора. Он улыбается мне теплой улыбкой, такой же температуры, как и его руки. Для него это просто обычный рабочий день.

Я снова пытаюсь сделать глубокий вдох.

Проползают тридцать секунд, потом начинается обратный отсчет. Последние три секунды отсчитываются безмолвными взмахами руки, и на последнем из них улыбка ведущего становится ослепительной. Он слегка подается к камере:

– Здравствуйте, добро пожаловать на чрезвычайный выпуск «Шоу Хауи Хэмлина»! Сначала мы сделаем объявление о том, что во второй части программы нас ждет шокирующий рассказ о похищении маленькой Элли Уайт, но перед этим проведем всестороннее обсуждение дела, которое в последнее время у всех на устах: дела Мэлвина Ройяла. Среди шумихи, поднятой СМИ, пока еще не прозвучал один, очень важный голос. Но нам повезло: сегодня в нашей студии присутствует Гвен Проктор, или, как звали ее прежде, Джина Ройял, жена знаменитого серийного убийцы Мэлвина Ройяла, который недавно был застрелен в Луизиане во время того, что можно назвать лишь невероятно жестоким нападением на его...

Я больше не могу выдерживать это. Прерываю его:

– Бывшей, – говорю я, заставив Ховарда «Хауи» Хэмлина неожиданно умолкнуть, не завершив это гладкое вступление. – Извините, что встречаю, но я его бывшая жена. Я развелась с ним давным-давно.

Он выжидает полсекунды, потом говорит:

– Да, да, конечно, вы совершенно правы, это была ошибка с моей стороны. К тому времени, как произошел этот шокирующий инцидент, он уже давно был вашим бывшим мужем. Итак, теперь вы предпочитаете называться Гвен Проктор, а не Джиной Ройял, верно?

– Это мое законное имя. – Я официально сменила его, так же, как и имена своих детей. Джины Ройял больше не существует. Если оглянуться на прошлое, ее изначально почти не существовало.

– Конечно. Итак, Гвен, просто для того, чтобы удостовериться, что наши зрители в курсе этой невероятной истории... Когда Мэлвин Ройял был арестован несколько лет назад после обнаружения женского трупа в том самом доме, где вы проживали вместе, вы также были обвинены в том, что помогали ему осуществлять похищение жертв. Это верно?

– Да, – отвечаю я. – Но меня оправдали.

– Несомненно, оправдали! – В голосе его звучит заученное одобрение. – Но после этого вы ударились в бега, много раз сменив свое имя и место проживания. Почему, если вы были невиновны?

У меня возникает предчувствие, и оно мне не нравится. Что-то не так. Я чувствую, что это не будет то спокойное интервью, которое мне обещали.

– Я действительно невиновна. Однако ежедневно мне и моим детям поступали угрозы. Нас преследовали через Интернет, грозили насилием, в том числе и сексуальным, а также смертью. Я делала все необходимое, чтобы защитить свою семью.

Я не упоминаю о том, что Мэлвин тоже продолжал отслеживать нас. Посылать письма. Эту банку с гадюками я не желаю открывать.

– Вы не обращались в полицию?

– Полиция всегда неохотно заводит дела по поводу анонимных угроз, и сталкерам это хорошо известно. Я предпочла действовать так, чтобы обеспечить своим детям безопасность.

- Понятно. Но зачем постоянно переезжать?

- Потому что интернет-тролли хорошо умеют действовать сообща, если им нужно найти человека и снова начать травить его. Для многих из них это игра. Вначале я этого не осознавала, но травля, открытая на меня, была очень хорошо организована. И остается такой, я уверена.

- Тогда почему вы пришли сюда, пойдя на такой риск?

Делаю паузу. Я хочу сказать так, чтобы до них дошло.

- Потому что это происходит каждый день. Не только со знаменитостями или людьми, которые, подобно мне, привлекли широкое внимание. Это происходит и с обычными людьми. Даже с детьми. А наши законы и наши правоохранительные органы не приспособлены к тому, чтобы иметь дело с такими проблемами. Но я здесь не для того, чтобы спасти мир, - только моих детей.

- От кого именно?

- От дезинформации, - отвечаю я. - Подобная ложь остается в умах людей и вызывает еще больше негодования, еще больше травли. Поэтому я хочу рассказать свою историю. - Даже необходимость произнести эти слова вызывает у меня внутреннюю дрожь. Я слишком много времени провела в бегах. И во многом это - одна из самых трудных вещей, какие я делала: добровольно стать... уязвимой.

- Предоставляю вам слово, - говорит Хауи. - За этим мы вас и пригласили.

И я рассказываю. Рассказываю о том, как вышла замуж, о первых годах жизни с Мэлвином, когда я понятия не имела, что те требования, которые он предъявлял ко мне в том доме, в нашей спальне, были какими угодно, только не нормальными. Я была слишком молодой, слишком «тепличной», чтобы понять это. Мне говорили, что нужно быть милой, быть уступчивой, быть такой, какой меня хочет видеть мой муж. А когда родились дети, стало уже поздно прислушиваться к инстинктам. Я была слишком напугана, чтобы увидеть правду.

До тех пор, пока правда, приняв облик пьяного водителя, не вломилась в мастерскую Мэлвина – куда он никогда не позволял мне заходить. В тот день его жуткое, жестокое «я» впервые оказалось выставлено на свет.

Когда я умолкаю, вспоминая тот момент и борясь с этими воспоминаниями, Хэмлин подается вперед:

– Гвен, давайте перейдем прямо к сути. Вы должны были знать об этом, верно? Как он мог привозить этих девушек в ваш дом так, чтобы вы не знали?

Я пытаюсь объяснить: запертая мастерская, постоянное бодрствование Мэлвина допоздна... Хэмлин притворяется, будто слушает, но я вижу, что он просто ждет, когда я закончу. А потом говорит:

– Вы понимаете, почему многие, очень многие люди сомневаются в вашей истории, правда? Они просто не могут вообразить, что вы спали рядом с маньяком и ни о чем не догадывались.

– Спросите подружку Теда Банди, – огрызаюсь я. – Спросите жену Гэри Риджуэя. Спросите всю семью Денниса Рейдера [1 - Тед Банди, Гэри Риджуэй, Деннис Рейдер – печально известные серийные убийцы.]. Признаки вполне могли быть, но я была не в состоянии распознать их. Я даже представить себе не могла, что он творит подобное, иначе попыталась бы остановить его.

– Попытались бы? – переспрашивает Хэмлин.

– Он убил бы меня, – отвечаю я. – И после этого мог бы делать с нашими детьми всё, что захочет. Я даже представить не могу, что это было бы, и не хочу представлять. Я выжила, мистер Хэмлин. Я сделала это ради моих детей и продолжу это делать, что бы ни случилось.

Я довольна тем, как сформулировала это, но теперь я уже настороже: почему он давит на меня? Это не то, о чем мы договаривались. Предполагалось, что он будет помогать, а не допрашивать.

– Вернемся к вашему мужу, Мэлвину Ройялу. Он продолжал преследовать вас даже тогда, когда находился за решеткой – так вы утверждали, верно? Это была

часть травли, направленной против вас? Несомненно, эта часть не имеет никакого отношения к безликим чужакам в Интернете.

«Утверждали». Я едва не рявкаю на него. В этом кресле я чувствую себя пленницей – и ненавижу это ощущение. Я не могу смотреть в камеру, но знаю, что она глазееет на меня; периферическим зрением вижу размазанный красный огонек, свидетельствующий, что мы в эфире. Пытаюсь сосредоточиться на лице Хэмлина, но оно кажется мне расплывчатым. Я все время вижу, как вокруг меня движутся люди, – и ненавижу, ненавижу это... Мне не нравится, когда ко мне кто-то подкрадывается.

– Гвен?

Я понимаю, что смотрю на него пустыми глазами, и пытаюсь вспомнить его вопрос. «Мэлвин. Он говорил про Мэлвина».

– Мой муж посылал мне письма, – отвечаю я. – Кто-то из персонала тюрьмы тайком выносил их наружу. Сейчас мы полагаем, что этот человек отдавал их для отправки разным людям, и это продолжается даже после смерти Мэлвина. Насколько мне известно, сейчас по этому поводу ведется расследование.

– Вы сохраняли у себя эти письма? Показывали их начальству тюрьмы? Полиции?

– Первые – да, – говорю я. В горле у меня сухо, пальцы подрагивают. – Но Мэлвину уже был вынесен смертный приговор. Они почти ничего не могли сделать, чтобы наказать его.

– Хм-м-м-м... – тянет Хэмлин с задумчивым выражением лица. – У вас есть записи всех этих интернет-угроз, которые вы, по вашим словам, получали?

Почему он сомневается в моих словах? Какого черта тут происходит?

– Конечно, есть, в том числе и ответы от полиции и ФБР, зафиксировавших факты преследования. Послушайте, нет смысла продолжать, если вы...

– Вы не будете отрицать, что этому положили начало родные жертв Мэлвина Ройяла?

Я уже встаю, чтобы уйти, но при этих словах сажусь обратно. Я не хотела доводить до этого. По сути, я сказала продюсеру, что не стану отвечать на вопросы о жертвах или их семьях. Мне нужно напомнить об этом.

– Я не хочу говорить о родных жертв.

– Почему? Ведь это именно те люди, которые изначально были злы на вас, верно?

Я не хочу обвинять этих людей. Я не должна оставлять такое впечатление.

– Я не могу винить людей, которым пришлось пережить невероятное горе и гнев. Я виню только абсолютно посторонних личностей, которые примкнули к этому, чтобы удовлетворить собственные потребности.

– Вы принесли с собой какие-нибудь образцы этой травли, чтобы мы могли показать их нашим зрителям? В целях подтверждения вашей правоты в этом деле, конечно же.

Я чувствую, как мои щеки и подбородок заливают краской. «В этом деле»? Я здесь что, на суде?

– Нет, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. – Не принесла. И не принесу. Они отвратительны.

– Мне кажется, наш продюсер просил вас принести пару этих писем, чтобы поделиться с нами, это так?

Я попыталась. Открыла ящик, где хранились эти кошмарные письма, и попробовала найти одно-два, которые не были бы столь личными и кошмарными, чтобы вызывать приступ тошноты. Но не смогла. Про что-то более безобидное они сказали бы: «Она раздувает из мухи слона». А что-то достаточно ужасное сочли бы неподходящим для эфира.

– Я намерена защищать своих детей, – отвечаю. – Большинство из этих посланий – о них, и я отказываюсь делать эти письма достоянием публики. Я не хочу превращать описываемые пытки в развлечение для зрителей. Я здесь для того, чтобы сказать правду, а не обнародовать ложь.

На миг я чувствую блаженное спокойствие от того, что сказала это. Я права, знаю, что права, и мне кажется, что зрители тоже это знают.

Но потом Хэмлин поворачивается ко мне:

– Гвен... – Он слегка сдвигается вперед в своем кресле и подается ко мне, словно священник на исповеди: – Вам известно о документальном фильме?

У меня возникает ощущение, будто кресло плавится подо мной, погружая меня в глубины земли.

– О каком документальном фильме? – Я понимаю, на какую грань поставила себя этими словами, но не могу остановиться. – О чем вы говорите?

Вижу в его глазах едва заметную вспышку энтузиазма.

– К этому мы подойдем через минуту. Но до этого была еще одна видеозапись, на короткое время появившаяся в Сети. Эта запись, похоже, подтверждает ваше соучастие в делах вашего бывшего мужа...

«Какой, мать вашу, документальный фильм?» Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, и говорю:

– Это запись была искусной подделкой, и ФБР подтвердило факт фальсификации. Вы можете увидеть это в пресс-релизе. И то, что об этом пресс-релизе никто даже не упомянул, подтверждает: против меня, как и против моих детей, по-прежнему идет ежедневная, ежеминутная травля.

Я все еще пытаюсь как-то совладать с этой катастрофой. Не знаю, что еще я могу сделать.

– Что ж, давайте поговорим об этом. Похоже, что у Мэлвина Ройяла есть значительное и постоянно растущее число сетевых защитников, которые либо верят, что он на самом деле не был виноват во всех этих преступлениях, либо считают, что вы в равной степени виновны в них. Вам не кажется, что эти люди имеют право выразить свое мнение?

Мне хочется ударить себя кулаком по лицу. Мне хочется кричать. Мне хочется убежать – так сильно, что мои ноги дрожат от этого неосуществленного желания.

– Если их мнение сводится к тому, что меня следует освежевать заживо, а моих детей убить у меня на глазах, – нет, не имеют. И мне это отнюдь не кажется. – В моем голосе звучит ярость. Я сглатываю жгучий комок в горле; у него вкус желчи. – О каких документальных записях вы говорили?

– Да, это отличная возможность представить другую гостью нашей сегодняшней передачи. Миссис Тайдуэлл, вы не будете так любезны присоединиться к нам?

Я осознаю, что все это время на заднем плане что-то улаживали бородатый звукооператор и помощник режиссера; слегка повернувшись, я вижу, как на возвышение выходит новая участница шоу. Я знаю ее, и у меня сразу же возникает ощущение, что я падаю за край мира.

Миранда Тайдуэлл. Богатая, со связями и чрезвычайно злобная. У нее есть на то причины: ее дочь, Вивиан, была второй жертвой моего мужа. С самого начала Миранда считала, что я тоже виновата, что я должна была знать и остановить Мэлвина – или же я просто участвовала во всем этом наравне с ним. С того момента, как Мэлвин был арестован, она все время норовила, фигурально выражаясь, всадить нож мне в спину. Именно ее адвокаты сделали всё, чтобы я была арестована и предстала перед судом, хотя улики против меня были в лучшем случае сомнительными, да и основание было шатким – показания предвзятой соседки-сплетницы.

Миранда хотела, чтобы мне, наравне с Мэлвином, был вынесен смертный приговор. И, судя по взгляду, который она бросает на меня, когда направляется к третьему креслу – к креслу, присутствие которого меня так удивило, – она все еще этого хочет.

Мы разительно контрастируем друг с другом. Мы обе – белые женщины, но у меня темные волосы, одежда простая и практичная. У нее высокая прическа цвета бледного золота, дорогие украшения, она носит модный деловой костюм и до последней черточки своего безупречного макияжа готова к участию в телешоу.

Миранда больше не смотрит на меня, хотя я не свожу с нее взгляда. Она пожимает руку Хауи Хэмлину и опускается в кресло, легко и изящно.

– Спасибо, что пригласили меня на эту передачу, мистер Хэмлин, – говорит она. – И за то, что согласились выслушать нашу сторону. Семьи жертв Мэлвина и Джинны Ройял благодарны вам за широту взглядов.

Мне следует встать и уйти.

Она делает вид, будто меня здесь нет. Но я понятия не имею, как ответить ей тем же. Весь мир превратился в зловещую, полную глухого шума нереальность, словно я тону в океане.

– Конечно. Группа, которую вы представляете, называется...

– «Погибшие ангелы», – отвечает Миранда. – В честь детей, сестер, матерей и более дальних родственниц и подруг, которых у нас отняли.

– Насколько я понимаю, «Погибшие ангелы» финансировали создание полнометражного документального фильма, который, по вашим словам, полностью раскрывает суть этого дела. Но сейчас Мэлвин Ройял мертв, а мисс Проктор полностью оправдана; так каким же образом, по вашему мнению, могут окупиться эти затраты?

Мне хочется закричать, бросить что-нибудь, убраться ко всем чертям с этой сцены, но я не могу. Я должна слушать. Хауи Хэмлин, намеренно или нечаянно, оказал мне огромную услугу, предупредив, что «Погибшие ангелы» – группа, о которой я давно уже ничего не слышала, – все еще существует и действует. Я действительно полагала, что они удовлетворились сделанным, пережили свое горе и просто живут дальше. Но, судя по всему, это не так.

– Что ж, мы не заинтересованы в новом судебном деле, и это очевидно. Миссис Ройял была оправдана официальным судом, – отвечает Миранда. – Но мы верим в справедливость общественного мнения, которое так эффективно показало себя в других случаях судебной ошибки, когда вина оставалась безнаказанной. Мы представим все собранные нами материалы на суд общественности – в форме нашего нового, подробного документального фильма, позволяющего глубоко заглянуть в жизнь Джинны Ройял.

– Этот фильм завершен?

– Он только начат, – говорит Миранда и неожиданно поворачивается ко мне. Ненависть в ее глазах так же сильна, как в тот день, когда она сидела в зале суда во время вынесения мне оправдательного приговора. С тех пор я не видела ее, но складывается впечатление, будто с того момента не прошло и минуты.

Все это так чудовищно, что мне не сразу удастся поверить в услышанное. Я не могу двигаться. Я не могу думать. Я просто смотрю на эту женщину, которая во всем остальном кажется такой нормальной, и не могу понять, как кто-то может быть настолько... одержимым. Годами.

– Вы не можете сделать этого, – говорю я. – Вы не можете вот так взять и разрушить мою жизнь, жизни моих детей. Снова.

– А я и не делаю этого, – отвечает Миранда. – Я просто финансирую съемки документального фильма, который будет выложен в Интернет и показан на кинофестивалях по всему миру, когда мы закончим его снимать. Это... работа во имя любви, если угодно. В память о жертвах вашего мужа. наших детей. И я хотела бы услышать ваше мнение, миссис Ройял. Мне кажется, вы очень похожи на ту актрису, которая играет вас в постановочных сценах.

Она хочет устроить сцену. Она здесь для того, чтобы спровоцировать меня. Заставить меня потерять голову и начать душить ее прямо здесь, в эфире, на глазах у охваченного ужасом Хауи Хэмлина и половины штата Теннесси. Мне нужно очень осторожно играть в эту игру.

Поэтому я откидываюсь на спинку кресла и говорю:

– Я буду ждать этого. И буду рада шансу внести свои замечания, указывая на допущенные неточности. Как вы, вероятно, знаете, не все члены семей жертв на вашей стороне.

– Не все, – соглашается Миранда. – Боюсь, некоторые из них действительно сочли вас невинной жертвой произвола. На самом деле это очень плохо. – Скорее всего, она говорит о Сэме, однако Миранда осторожна и менее всего хочет сейчас называть его имя. Это заставило бы ее выглядеть не столько

сторонницей справедливости, сколько мстительной фурией.

– Очень плохо, что вы не смогли найти позитивный способ выразить свое горе, миссис Тайдуэлл, – говорю я без всякого потаенного смысла. – Я скорблю о том, что случилось с вашей дочерью, и желаю вам удовлетвориться уже свершившимся правосудием. Ее убийца мертв.

– Один из них, – рявкает Миранда. – И еще одна осталась. – Она понимает, что ступает на опасную черту, если не заходит за нее, и сознательным усилием вызывает у себя на глазах слезы и прикрывает рот рукой. Идеальная обезумевшая от горя мать, если не смотреть вблизи. – Простите, мистер Хэмлин. Это труднее, чем мне казалось.

– С вами всё в порядке, миссис Тайдуэлл? – спрашивает Хауи, как будто ему действительно есть до этого дело. У него наготове бумажные платочки, и Миранда слегка прикладывает один из этих платочков к глазам, стараясь не размазать макияж. – Если для вас это слишком тяжело, мы можем сделать перерыв.

– А что, если это слишком тяжело для меня? – спрашиваю я его. Понимаю, что зла, но я все равно не могу перещеголять Миранду Тайдуэлл в деликатности: она рождена для того, чтобы манипулировать, а мне это искусство никогда особо не давалось. – Эта женщина некогда уже запустила механизм, способный подвергнуть риску мою жизнь и жизни моих детей, при этом у нее не было никакой возможности контролировать этот механизм. И она угрожает сделать это снова.

– Я никому не угрожаю, – возражает Миранда. У нее даже дрожит голос. «Какая отважная женщина!» – думают зрители, в то время как я выгляжу злобной и жестокой тварью. – Я просто сказала, что мы снимаем документальный фильм о тех, кого любили и потеряли, намереваясь полностью раскрыть это дело.

– Дамы, пожалуйста, не забывайте, что я не принимаю ничью сторону, – говорит Хауи, и его тон напоминает мне о скользкой банке с топленым жиром, которую моя мать когда-то держала около плиты.

Я ничего не могу поделать с собой. И не выдерживаю.

– У меня нет никакой стороны! У меня есть правда! – почти кричу я ему, больше не в силах держать себя в руках. – Вы пригласили меня на эту программу, чтобы поговорить о преследовании по отношению к моей семье, а вместо этого предоставляете эфир женщине, которая пойдет на всё, лишь бы уничтожить меня и моих детей. Не смейте притворяться, будто это какая-то там «сторона». Я пришла сюда не за этим.

– Мисс Проктор...

– Нет! – Я встаю, отстегиваю микрофон, выдергиваю провод из-под блузки и кидаю все это в кресло. Хотя на самом деле мне хочется швырнуть микрофон ему в лицо. – С меня хватит.

Камера провожает меня, когда я едва ли не бегом направляюсь прочь с возвышения, подальше от света прожекторов. Мне хочется отпихнуть с дороги компьютерный пульт, но за него придется платить, поэтому я просто огибаю его и иду в фойе для участников. Распахиваю дверь и смотрю на своих детей – своих прекрасных, замечательных детей, которые взирают на меня, открыв рты. Теперь в фойе находятся и другие люди – женщина и мужчина афроамериканского происхождения и еще одна женщина, белая; все они явно одеты так, чтобы можно было предстать перед камерой. Чернокожая чета выглядит потерянно, словно не понимая, что им делать в нынешней ситуации. У меня за спиной Хауи Хэмлин извиняется перед зрителями и обещает продолжить интервью, как только миссис Тайдуэлл будет в состоянии. Затем включает рекламный ролик, откидывается назад, просматривает какие-то заметки и говорит:

– Потрясающе, миссис Тайдуэлл; я задержу вас еще на две минуты, а потом мы перейдем к Уайтам. Эрин, скажи им приготовиться.

Уайты. Я вспоминаю объявление, сделанное вначале. Должно быть, это и есть родители Элли Уайт, пропавшей шестилетней девочки. Прошло несколько дней с тех пор, как ее увез неизвестный, притворившийся шофером ее отца; по всей видимости, это было хорошо спланированное профессиональное похищение.

– Мне жаль, – говорю я им, а потом задумываюсь, хотят ли они от меня хотя бы сочувствия. После этого шоу ужасов – вероятно, нет. Они не отвечают. Я даже не знаю, слышали ли она меня на самом деле.

– Что за фигня тут творится? – выпаливает наконец Ланни. Глаза у нее огромные, лицо бледное – это видно даже под готским макияжем, который она до сих пор любит. – Мам, эта женщина что, одна из матерей...

– Всё в порядке, милая, – говорю я ей. – Пойдем отсюда. Немедленно.

Коннор не издает ни звука, просто подходит и обнимает меня. В последние несколько месяцев у него произошел скачок роста, и сейчас он уже достает мне до плеча. Ланни все еще выше его, но ненамного.

Я хочу уйти отсюда, пока Миранда еще в эфире и не сможет последовать за мной. Киваю Уайтам; женщина, сидящая рядом с ними – средних лет, с простой прической, в практичном брючном костюме, – кивает мне в ответ. Она смотрит на меня, пока я веду своих детей прочь из фойе и по дороге к двери подхватываю свою сумку.

Еще до того, как мы добираемся до выхода из здания, я набираю номер на телефоне. Кто-то из персонала пытается преградить мне путь – вероятно, чтобы убедить меня вернуться в эту гладиаторскую яму идиотизма, – но я отодвигаю его с дороги, не слушая ни единого его слова.

Потом мы выходим наружу, и Сэм отвечает мне.

– Уже закончили? – Голос у него удивленный.

– Ты не смотрел?

– Я ходил за кофе. Что случилось?

– В машине расскажу. Встретимся в конце подъездной дороги, – отвечаю я, и мы быстрой походкой направляемся по тротуару, идущему слегка под уклон.

По пути я вижу перед зданием студии огромный экран, на котором без звука идет «Шоу Хауи Хэмлина» с крупными кадрами в нижней части экрана. Должно быть, показ идет с задержкой, потому что, похоже, Хэмлин на экране как раз сейчас извиняется перед зрителями за мой резкий уход из студии. Я уверена, что дальше – поскольку команда Хэмлина хорошо провела подготовку – они

позволят Миранде разглагольствовать о том, как подозрительно выглядит мое поведение. О том, что в прошлом году труп некой девушки нашли в озере Стиллхауз, прямо возле нашего дома. О том, как это убийство сошло мне с рук... вот только я этого не делала. Это было дело рук человека, который пытался подставить меня по приказу моего бывшего мужа. Но кто же поверит в эту правду?

Я не обязана защищать свое право на существование. Мое прошлое ужасно. Мои душа и тело покрыты шрамами.

Поверить не могу, что позволила втянуть себя в это шоу. Я подвела своих детей. Дрожа, пытаюсь справиться со слезами. Я думала, что положу конец нашим проблемам, а вместо этого просто устроила из них развлечение для публики.

Когда мы огибаем поворот, мой телефон звонит. Я вижу машину Сэма, стоящую с включенным мотором и мигающими аварийными огнями в конце подъездной дорожки. Не отрывая глаз от нашего пути к спасению, машинально отвечаю:

- Да?

- Мисс Проктор, это Дана Рейес, ассистент продюсера «Шоу Хауи Хэмлина». Мне жаль, что для вас это оказалось такой неожиданностью; мы, честное слово, не хотели подобного столкновения. - «Ложь». - Пожалуйста, вернитесь в студию. Следующая часть программы будет посвящена только вам, и, обещаю, мы целиком и полностью сосредоточимся на вашем рассказе... - Я практически слышу, как она сверяется с записями. - ...о преследованиях, которым подвергалась ваша семья. И, конечно же, извинимся, если вы чувствуете себя оскорбленной...

Я обрываю звонок. Мы загружаемся в пикап, Сэм выключает аварийку и выезжает на дорогу. В Ноксвилле, штат Теннесси, стоит замечательный день, ясный и жаркий, небо ярко-голубого цвета. Сэм осторожно посматривает на меня. Он не хочет спрашивать. А я не хочу заговаривать первой. Дети сидят на заднем сиденье, храня не свойственное им молчание. Они, как и я, потрясены тем, что такой замечательный день оказался так глубоко отравлен.

«Что я натворила?» - думаю я. Судя по намекам Хауи о «разговорах в Интернете», Миранда уже некоторое время затевает шумиху. Из-за того, что мне

пришлось отражать натиск репортеров, я почти перестала отслеживать сетевые угрозы, и это было моей ошибкой. Я не знала, что именно затевается против меня, против нас. Но должна была знать.

Теории заговора вот уже не один год множатся, словно бешеные, все более нелепые и спекулятивные. Химические вещества в инверсионных следах самолетов. Антипрививочное движение. Отрицание изменений климата. Но все это почти детские игры по сравнению с правдорубами, вещающими об ужасах 11 сентября [2 - 11 сентября 2001 года - дата террористической атаки в США, в том числе на Всемирный торговый центр, приведшей к гибели более чем трех тысяч человек.] или о стрельбе в школах, тем самым объявляя фальшивкой кошмары множества людей, кошмары родителей, разрушая жизни уцелевших.

И, похоже, Миранда Тайдуэлл понимает, что это та самая среда, в которой можно уничтожить нас, приложив минимум усилий. Снять пристрастный «документальный» фильм, поднять кое-какие несправедливые обвинения, найти в них что-то, что кажется истинным, и продавать материал направо и налево. Эмоционально неустойчивые, склонные к бредовым идеям люди найдут в этом некоторое успокоение. Ленивые сочтут это маловероятным, но возможным. А через год или два они будут убеждать друг друга, что «лучше перебдеть, чем сожалеть», и выдавать эту подделку за истинную правду.

Миранда умно поступает, действуя таким образом. Документальный фильм - даже содержащий полуправду и ложь - априори создает некое впечатление достоверности. Люди поверят ему, потому что этот же самый образ мыслей предполагает, будто моя невиновность, мой ужас и мое горе - всего лишь актерская игра. Что я должна была знать, должна была участвовать в этом. Потому что, если они признают, что я не лгу, что они не застрахованы от той же самой цепочки случайных и ужасных событий, которые танком прокатились по мне... это слишком пугает их.

Лучше сражаться с воображаемыми демонами, чем встретиться с настоящими.

Чем больше я думаю об этом, тем сильнее злюсь. Я действительно хочу вернуться в студию и заорать так, чтобы у этого коварного ведущего барабанные перепонки лопнули.

И это веская причина не возвращаться туда.

– Эй, ты в порядке? – Тихий голос Сэма снижает мою кипящую ярость до чего-то менее убийственного.

– Нет, – отвечаю я. – Это была засада в прямом эфире. Полагаю, ты знаешь Миранду Тайдуэлл.

Я вижу, как он напрягается. Потом смотрит на меня широко раскрытыми глазами, полными потрясения.

– Черт возьми, – говорит Сэм. – Она была в студии? С тобой?

– Совершенно верно. Она утверждает, что группа «Погибшие ангелы» снимает документальный фильм, – отвечаю я ему. – Обо мне. Полагаю, они обязательно втянут в это и тебя.

– О боже... – Вид у Сэма совершенно убитый. Я гадаю, встречался ли он с Мирандой лично. Вполне мог – после своего возвращения из Афганистана. Сэм пропустил суд надо мной и мое оправдание, так что вступил в эту игру ужасов позже. Миранда обязательно захотела бы, чтобы он играл на ее стороне... и у меня возникает неприятное ощущение, что какое-то время Сэм действительно был на ее стороне. По крайней мере, на стороне тех, кто верил в мою виновность. – Ладно. Нам нужно уехать отсюда и вернуться домой.

Если он и хочет сказать мне: «А я тебя предупреждал», – то удерживается от этой фразы, и я ему за это глубоко признательна. Он действительно советовал мне не полагаться на добрую волю телевизионщиков. И оказался прав.

Я обещала детям, что после шоу мы проведем день в Ноксвилле за развлечениями. Но понимаю, что этот поезд ушел; меньше всего мне сейчас хочется, чтобы они показывались на людях, потому что после этого кошмарного шоу минимум часть горожан будет высматривать нас. И какой-нибудь подонок может не устоять перед приманкой – а я не допущу, чтобы моих детей обижали.

– Да, – соглашаюсь я. – Извините, ребята. Я обещала, что мы задержимся здесь до вечера, но...

– Ты беспокоишься за нас, – заканчивает за меня Ланни. Коннор, как и можно было ожидать, не говорит ни слова. – Мы поняли. Но, мам... мы можем справиться со многим. – Она говорит это с абсурдной уверенностью пятнадцатилетнего подростка, и я в ужасе от того, что Ланни имеет в виду именно то, что говорит.

– Что ж, а я сейчас не могу справиться почти ни с чем, – говорю, потому что так я не оскорблю их, притворяясь, будто они не сумели пройти через ад и выйти из него. – Мне жаль, что столь долгая поездка прошла впустую. Извините, я действительно не думала, что так выйдет. – Хотя должна была. Я должна была быть настороже. Если б я просматривала Интернет...

– Всё хорошо, – произносит наконец мой сын. – Мы понимаем.

Я не заслуживаю такой доброты и неожиданно еще сильнее злюсь на людей, которые относятся к нам, словно к бумажным мишеням. Мои дети настоящие, и они просто невероятны. И я буду сражаться за них до самого конца.

Сэм предлагает:

– Может быть, купим мороженого по дороге?

– Мороженое! – неожиданно оживляется Коннор. – Мороженое «Орео»?

– Какое захочешь, приятель, – отвечает Сэм. – Ланни?

Я смотрю в зеркало заднего вида. Она морщит нос, но говорит:

– Сойдет. – Потом делает паузу. – Мам? У нас снова «готовность номер один» или как?

– Не знаю, – говорю я ей. – Просто не знаю, милая. Но пока что, думаю, нам надо быть очень-очень осторожными.

* * *

Обратно до поселка Стиллхауз-Лейк, где стоит наш дом, мы добираемся без происшествий, хотя я ожидаю всего чего угодно. Мороженое вкусное, и Коннор приходит в отличное настроение, умяв свою порцию и половину порции сестры. Я тревожусь о его пищевых привычках, однако он не так часто ест сладости по утрам, к тому же благодаря метаболизму все еще остается тощим, как швабра. Набирает рост и мускулатуру. Пока еще этот процесс идет медленно, но я вижу, что в ближайшее время можно ждать очередное убыстрение. Хорошо. Это одна из ненормальностей нашей жизни: мне нужно, чтобы мои дети росли быстрее обычного. Так было с того дня, как наши жизни оказались разбиты. Гори в аду, Мэлвин.

Последние несколько лет были нелегкими для Ланни и Коннора. И для меня. Но мне казалось, что мы наконец нашли свой островок покоя. У нас теперь есть Сэм, так же отчаянно готовый защищать их, как и я; он последовал за мной в самую глухомань, чтобы вернуть их. У нас есть дом. У нас есть – по меньшей мере – настороженное принятие со стороны друзей и некоторых соседей.

Но после этого... я не знаю. Просто не знаю.

– Давай я выйду из машины и заберу почту, – говорю я Сэму. – А вы все приготовите ужин, ладно?

– Ладно, но ты понимаешь: это означает, что ты теряешь право голоса.

– Передаю свое право голоса тебе, – отвечаю я. – Что-нибудь полезное?

– Фу-у! – в один голос заявляют мои дети. Я закатываю глаза и машу рукой, показывая, что они могут ехать дальше.

Я воспользовалась проверкой почтового ящика как предлогом, но, остановившись возле него, достаю свой телефон и набираю номер. Когда на том конце линии трубку берет секретарь, я говорю, что мне нужно срочно поговорить с доктором Маркс. Там работают спокойные профессионалы, которые не упускают ничего. Полагаю, мне следовало вложить в это сообщение больше эмоций, но доктор Маркс знает меня. Она поймет смысл этих слов.

Всего через несколько минут мне поступает звонок от Катерины Маркс.

– Гвен, – говорит она, и голос у нее, как всегда, чистый, спокойный, странно умиротворяющий. – Как прошла сегодняшняя телепередача?

– Вы не смотрели?

– Нет, боюсь, я не смогла бы. У меня были клиенты.

– Ну... – Переступаю с ноги на ногу. Теперь, когда я уже говорю по телефону с доктором Маркс, меня вдруг охватывает нежелание сознаваться в случившемся. – Не очень хорошо. Я сделала... то, о чем мы говорили.

– Вы реагировали на камеру?

– Да. – Парадоксально, но едва я признаю? это, как все воспоминания включаются разом. Я думала, что преодолела это, хотя доктор Маркс предупреждала меня, что эта конкретная часть посттравматического стресса может так и не отпустить меня. Слишком глубоко оно въелось в подсознание. В те сутки в Киллмэн-Крик я верила, действительно верила, что умру от рук Мэлвина Ройяла, как и прочие его жертвы. Замученная до смерти перед камерой, потому что зрители платят, чтобы увидеть это. И вся эта пытка, все это происходило бы перед немигающим оком объектива. – Я продолжаю видеть это снова и снова. Я не могу... не могу контролировать это.

– Вы не хотите встретиться со мной лично?

– Не могу. – И это означает «не хочу». Я хочу спрятаться здесь, дома, вместе с семьей. – Я надеялась, что вы, быть может, сумеете просто...

– Проговорить с вами это? – завершает она с легкой насмешкой в голосе. – Вы на удивление неохотно углублялись в подробности. Хотите сказать, что сейчас вы готовы?

– Да, – говорю я. Но на самом деле это означает «нет». Или «я не знаю». Закрываю глаза. Теплый влажный ветер овеивает мое лицо, и я медленно вдыхаю его, потом резко выдыхаю.

Я открываю дверь этим воспоминаниям, и первое, что я вижу, – это мой бывший муж, Мэлвин Ройял, лежащий рядом со мной; когда я просыпаюсь, он улыбается мне. Я там. Я ощущаю тяжелую, давящую влажность луизианского воздуха. Запах гниющего дерева, из которого выстроен дом. Сырая, жесткая ночная рубашка, прилипающая к моему телу, принадлежит мертвой женщине.

Я чувствую, как в мои запястья впиваются наручники.

«Нет. НЕТ».

– Гвен?

Открываю рот, но не могу издать ни звука. Отворачиваюсь от этих воспоминаний, засовываю их поглубже, захлопываю металлическую дверь и запираю на карикатурно огромный висячий замок. Но я все еще вижу улыбку Мэлвина – одну улыбку, как у Чеширского Кота, – и смотрящий на меня мертвый стеклянный глаз камеры.

Я видела, как Мэлвин насмерть забил женщину. Он бил ее, пока от нее не осталось ничего. Я не могу вернуться туда.

– Извините, – говорю я доктору Маркс; мой голос звучит слабо и обреченно. – Я не могу.

– Всё в порядке, – отвечает она. – Вы просто слишком торопитесь. Отпустите это. Сделайте шаг назад. Слушайте стук своего сердца. Дышите. Вам не нужно делать этого, пока вы не будете готовы, – а вы почувствуете, когда будете готовы. До тех пор вам нужно защищать себя от того, что причиняет боль. В этом нет стыда.

Я делаю, как она говорит. Я почти задыхаюсь, но когда мое дыхание замедляется, я снова здесь, у озера Стиллхауз. Воздух пахнет знакомо. Этот свежий запах сосен отсекает память о смраде гниения. Я открываю глаза и смотрю на спокойную воду озера, подернутую мелкой рябью.

Я не там. Но в каком-то смысле я так и не ушла оттуда. Может быть, я еще не готова оставить это в прошлом.

– Извините, – снова говорю я. – Я просто... я думала, что смогу сделать это сегодня. Но едва не проиграла этой памяти.

– Едва, – отвечает доктор Маркс. – Но все же не проиграли. Вам нужно прощать себе человеческие слабости. Никто не бывает сильным постоянно.

Но мне нужно быть сильной именно что постоянно. У меня есть враги, и сейчас их не меньше, чем прежде. Сила – это единственное, что стоит между этой безликой угрозой и моими детьми.

Я записываюсь к ней на прием через две недели. В течение часа мы просидим друг напротив друга, и я буду пытаться выдавить из себя этот яд. Но не сегодня, нет, не сегодня.

Когда я кладу трубку, то вижу, что закат еще не наступил, просто предвечерние тени уже сделались длинными и густыми, и я в течение секунды наслаждаюсь этой тишиной, а потом направляюсь к ящику, стоящему у поворота на подъездную дорожку. Крышка разрисована веселенькими желтыми цветочками, и хотя дети хотели написать на ней наши имена, я очень твердо сказала им «нет». Я позволила им подписать их работу инициалами, сочтя это приемлемым компромиссом. И сейчас я фокусирую внимание на этом рисунке, на мире, который он символизирует, и говорю себе, что справлюсь со случившимся.

Откидываю дверцу ящика – и вижу размытое движение еще до того, как слышу шипящий перестук. Инстинкт заставляет меня отскочить назад за миг до того, как змея атакует. Я делаю несколько быстрых, неловких шагов прочь; змеи могут ударять почти на всю длину своего тела. Она промахивается на несколько дюймов, втягивается обратно и начинает сердито завязываться узлом внутри.

Змея. В моем почтовом ящике.

Я пытаюсь усмирить неистовое биение своего сердца и произвольную дрожь. Эта тварь пятнистая, серая с бурым, словно лесная почва, с характерной для ядовитых гадов угловатой головой. Я не разбираюсь в змеях, но знаю, что если они гремят, то ничего хорошего это не сулит. Не знаю, закричала ли я. Вероятно.

Я набираю номер знакомого офицера Нортонской полиции – Кеции Клермонт, одной из немногих людей, которым я могу доверить своих детей. Должно быть,

мой звонок застаёт её в машине, потому что она говорит через гарнитуру, а к её голосу примешивается шум дорожного движения.

– Привет, Гвен, что случилось?

– У меня в почтовом ящике змея. – Мой голос звучит на удивление бесстрастно. – Мне кажется, эта какая-то разновидность гремучих змей.

– Что?!

– Гремучая змея. В моем почтовом ящике. – Я оглядываюсь по сторонам и хватаю сломанную ветку, лежащую поблизости, сначала удостоверившись, что под ней нет дружков той змеюки. При помощи ветки захопываю дверцу ящика, запирая змею внутри... а потом начинаю гадать, не использовалась ли эта ветка для той же самой цели. Слишком поздно беспокоиться об отпечатках пальцев, даже если б их удалось снять с шершавого дерева. – Кец, а если б ящик открыли мои дети? Господи боже...

– Она ядовитая?

– Она гремела.

– Она тебя не укусила?

– Нет. Нет, кажется, не укусила. – Адреналин в крови начинает спадать, и я чувствую тошноту и головокружение. Проверяю свои руки – нет ли на них следов укуса, – но все чисто. – Я в порядке, но кто-то должен забрать эту тварь.

– Хорошо, вот что тебе нужно сделать: держать ящик закрытым. Обмотать его скотчем, если понадобится. Я пришлю специалиста, чтобы он извлек змею. – Следует пауза. Дорожный шум становится тише. – Ты думаешь, кто-то сунул ее туда? Намеренно?

– Когда я подошла к ящику, он был закрыт, Кец. И в нем была почта. Змею кинули туда после того, как доставили почту. Если только змеи не научились закрывать за собой двери, она явно не сама заперлась там.

После этого Кеция на несколько секунд умолкает. Я слышу пощелкивание – набирает кому-то текстовое сообщение. Когда она снова заговаривает, голос ее звучит слегка отстраненно.

– Ладно, вот как мы поступим. Я попросила прислать змеелова и криминалистов. Как только змею уберут, криминалисты займутся твоим почтовым ящиком. Если нам повезет, кто-то оставил на нем свои пальчики.

Не могу представить, чтобы кто-то оказался настолько глуп, но она права – следует хотя бы попытаться.

– Хорошо, – говорю ей. – Буду ждать их здесь.

– Я уже еду.

Когда ярко-голубое небо над моей головой выцветает до тускло-оранжевого, а зелень деревьев превращается в черные резкие тени, Ланни спускается по склону ко мне. Ветер уже утих, озеро совершенно недвижно. Большинство лодок пришвартованы у причалов.

Я стою в шести футах от почтового ящика, не сводя с него взгляда.

– Мам? – спрашивает Ланни.

– Возвращайся в дом, – говорю. Я смотрю на почтовый ящик – вероятно, слегка загипнотизированно. – Я скоро приду. Мне нужно кое-кого дождаться.

– Ну... ладно. – Она не понимает, что я делаю и какие вопросы тут можно задать. – Ну что, нам начинать готовить курицу или как?

– Да, – говорю я ей. – Готовьте. Спасибо, солнышко.

– Ладно. – Ланни не уходит. – Мам, с тобой всё в порядке?

– Всё хорошо. – Она хмурится, глядя на меня. – Солнышко, мне просто... нужно немного времени, ладно? Нужно кое-что сделать. А ты иди. Скажи Сэму, что со мной всё хорошо.

Потому что я знаю, что следующим сюда спустится Сэм.

Ланни отлично понимает, что я не говорю всю правду – а я не говорю, потому что забочусь о безопасности дочери, – но в конце концов она уходит. Мне нравится этот ее инстинкт: сомневаться во всем. В будущем он ей пригодится, даже в общении со мной. И я рада, что она не осталась. Я остро осознаю – и все острее по мере того, как вокруг темнеет, – что стою здесь одна, на открытом месте, и вряд ли змея в ящике является единственной угрозой. Что, если человек, подложивший ее туда, вернется? Что, если он прямо сейчас прячется у меня за спиной? Я сдаюсь. Поспешно озираюсь по сторонам, пока моя дочь поднимается вверх по склону.

Вокруг никого нет. Я не вижу никаких опасностей.

Но это не означает, что их нет. Они просто ждут своего часа.

2. Гвен

Змеелов прибывает минут через десять. Это суровый мужчина, выглядящий так, как будто целыми неделями не выходит из леса, и мне это не нравится. Или он мне не нравится. Или все это сразу.

– Я приехал за этой змеей, – говорит он.

– Документы, – коротко говорю я.

Он моргает:

– Что?

– Предъявите мне свои документы. Я вас не знаю, и я вооружена. – Ставлю ноги в прочную бойцовскую стойку, перенеся вес на срединную линию и пружиня коленями. Я не знаю, знакома ли ему это стойка, однако взирает он на меня с подозрением. Вероятно, считает, что у меня паранойя.

Что ж, в этом он прав.

- Хорошо. - Поднимает обе руки вверх. - Конечно. Я достану документы, ладно?

- Медленно.

Он так и делает, не сводя с меня взгляда, - заводит одну руку себе за спину. Я притворяюсь, будто нащупываю свой пистолет, хотя оставила его в «бардачке» чертова пикапа и теперь мысленно пинаю себя за это. Но когда змеелов - медленно - извлекает руку из-за спины, в ней нет ничего, кроме бумажника. Он открывает его и достает толстую белую визитку.

- Положите на землю, - говорю я ему.

Он нагибается и кладет карточку на полпути между нами, так далеко от себя, как только может дотянуться. Я делаю шаг вперед и одним быстрым движением поднимаю ее; потом выпрямляюсь, чтобы прочитать надпись, при этом не выпуская его из поля зрения.

Визитка приятная на ощупь, чисто-белая, со строгой черной надписью выпуклым шрифтом. «Профессор Грег Мэйнард». Работает в Университете Теннесси. Да, не следовало судить об этом лесном отшельнике по его виду. Он - профессор биологии с пожизненным контрактом. Как странно!

- Змея? - снова спрашивает Мэйнард.

Я указываю на почтовый ящик.

- Извините за неласковый прием, - говорю ему. - Я просто... я не знаю, кто это сделал. Понимаете?

- Может быть, это была просто шутка?

- А вы откройте.

Он достает холщовый мешок и палку с крюком на конце, потом открывает дверцу ящика, зацепив ее крюком. Змея атакует. Профессор даже не вздрагивает, но, надо сказать, он стоит на точно выверенном безопасном расстоянии.

– Полосатый гремучник, – говорит он. – Ничего себе! Круто. Вам повезло, и это определенно не шутка. Во всяком случае, не добрая.

Я замороженно смотрю, как Мэйнард выманивает змею из ящика и она сползает по металлическому шесту на землю. Там он ловко прижимает ее крюком за головой и берет голыми руками – со спокойствием, которое кажется мне поразительным. Змея гремит и мечется, но он сует ее в мешок, потом затягивает горловину и надежно завязывает.

Я почти расслабляюсь, пока до меня не доходит, что для того, чтобы поместить змею в почтовый ящик, нужно обладать такими же навыками.

– Они здесь водятся? – спрашиваю я профессора.

Он кивает:

– Конечно, в лесу. Иногда я встречаю какую-нибудь из них достаточно далеко от леса, но это не слишком обычно. Возле воды чаще можно встретить щитомордника или мокасиновую змею. – Мэйнард тщательно осматривает внутренности почтового ящика, подсвечивая себе телефоном, потом говорит: – Хорошо, все чисто. Я отвезу эту красотку в свою лабораторию.

– В лабораторию? – переспрашиваю я.

– Я герпетолог. Дою змей – то есть сцеживаю яд. Так мы делаем сыворотку, – объясняет он. – Она всегда требуется то здесь, то там. Кстати, если увидите еще одну такую змею или другой вид гадюк, позвоните мне. После того как мы берем у них яд, я нахожу им хорошее местечко подальше в лесу, где они больше никого не потревожат.

Я киваю, все еще пристально глядя на него. Профессор или нет, сейчас он первый, кого я подозреваю. Хотя на кой черт ему могло понадобиться пугать

меня до смерти или травить меня змеей, понятия не имею. Непохоже, чтобы у него ко мне была какая-то личная неприязнь. Я не чувствую, чтобы от него исходила враждебность.

Мэйнард как раз загружает змею в свой пикап, когда подъезжает команда криминалистов – точнее, один мужчина средних лет, в мешковатой ветровке; приехал он на старом «Джипе». Он даже без просьб с моей стороны предъявляет мне свои документы – таким заученным движением, что мог бы, наверное, сделать это даже во сне. Кстати говоря, выглядит он совершенно измотанным, однако задает мне вполне толковые вопросы и записывает ответы, потом посыпает почтовый ящик порошком для снятия отпечатков.

Пару минут спустя появляется Кеция Клермонт. Она приезжает на своей личной машине без мигалок и сирен, и я рада этому; наши соседи наверняка уже глазают на эту суматоху вокруг почтового ящика. Я не хотела бы давать им лишней пищи для слухов.

– Привет, Бето, – говорит Кец криминалисту, и тот машет рукой, не поднимая взгляда. Она все еще одета в то, что можно считать ее рабочей формой: скромный темно-синий брючный костюм с белой блузкой, со значком детектива, пристегнутым к поясу. Пистолет спрятан под пиджаком. Если б она уже побывала дома, то переделалась бы в джинсы и удобную футболку. – Змею, полагаю, уже забрали?

– Увезли переселять в хороший дом, если верить... – Я сверяюсь с визиткой. – ...профессору Мэйнарду. Что ты знаешь о нем?

– А что? – спрашивает она, потом отвечает на собственный вопрос: – Умения. Конечно же. – Качает головой: – Вычеркни его из своего списка. Поблизости живет не меньше двух десятков человек, которые отлично умеют справляться со змеями, и они с куда большей вероятностью будут точить на тебя зуб.

Нет смысла спрашивать почему, но я все равно спрашиваю:

– По какой-то конкретной причине?

Кец пожимает плечами:

- Ну, начиная с того, что ты нездешняя, приехала откуда-то.

- Я живу у озера уже...

- Нас с отцом считают чужаками, а мы приехали сюда больше двадцати лет назад, - объясняет она. - Если ты не родился в здешних местах, ты не отсюда. Некоторым и этого достаточно. Добавь к этому слухи и всякое дерьмо из Интернета... Скажу честно - это может быть кто угодно.

- Круто. - Я надеялась, что за сегодняшний день поводов для паранойи у меня станет меньше, а не больше.

Кец подходит, чтобы осмотреть почтовый ящик.

- Он крепко закрывается?

- Да.

- Эта змея никак не могла попасть туда случайно?

- Нет. И она могла укусить Сэма или детей. Просто повезло, что это я открыла ящик. Если б это был Коннор или Ланни...

- Но это были не они, - напоминает Кеция. - Так что давай сосредоточимся на том, что случилось, а не на том, чего не случилось. В худшем случае кто-то пытался убить тебя, хотя я полагаю, что окружной прокурор постарается свести все это к преступной шутке. Он не самый большой твой поклонник.

- Не смешно, - отвечаю я. - Я бы не удивилась, если б он обвинил меня в том, что я слишком долго здесь стою.

- Ну ты знаешь поговорку: хороший окружной прокурор может убедить присяжных обвинить даже сэндвич с ветчиной. Повезло, что наш не настолько хорош.

Я усмехаюсь. Кеция не из тех полицейских, которые любят пустую болтовню, но она с глубоким неуважением относится к окружному прокурору Элрюю

Комптону. И я тоже. Это седовласый белый мужчина, послужной список которого почти полностью состоит из обвинительных заключений в адрес чернокожих подсудимых – и это в о?круге, где процветает торговля метамфетамином и опиатами, которой заправляют в основном белые воротилы. И, естественно, он всегда требует оправдания для белых подсудимых. Они «в глубине души хорошие люди», и так далее, и тому подобное, и не важно, насколько жестокими и отвратительными были их преступления. «За них поручатся их собратья по приходу. Их родители – добрые христиане». Обычная песенка.

Это мучительно напоминает мне те годы, когда я слепо верила своему бывшему мужу-монстру, не умея – или не желая – увидеть правду, лежащую прямо у меня под носом. Иногда мне кажется, что половина мира впала в то же самое состояние отрицания. И это меня злит.

– Есть мысли о том, кому могло прийти в голову вот так напугать тебя? – спрашивает Кеция.

– Ты серьезно? Половина нортонцев до сих пор полагает, что мне сошли с рук убийства местных – начнем с этого. Не считая «троллей», сталкеров, семьи жертв Мэлвина...

– Криминальных хакеров из «Авессалома», которым удалось ускользнуть от ареста, – добавляет она. – Да, знаю. Я надеялась на более конкретного врага, потому что «почти все» – это как-то слишком много.

– Знаю. Но на данный момент это всё, что у меня есть.

Кеция постукивает ручкой по стопке листков для записей.

– Да, и не уверена, что случившееся на сегодняшней передаче улучшило положение. А как насчет той женщины – той, которая присутствовала на твоём интервью?

Я не хочу верить в это, но факт заключается в том, что изначально большинство фанатично-упорных преследователей составляли родные и близкие жертв Мэлвина. Включая Миранду.

– Миранда Тайдуэлл? Она может подсыпать мышьяк в сироп от кашля, но справиться со змеей... На самом деле мне так не кажется, – говорю я. – Но... она могла кого-то для этого нанять. Просто чтобы запугать нас.

– Судя по всему, она сделала своей миссией доказать то, что ты...

– Монстр? Да. Она приняла на себя эту миссию еще во время суда надо мной. Я просто думала – точнее, надеялась, – что она переросла это.

– Нынче на все найдется свой одержимый фанатик, – говорит Кец. – Особенно если дело дурацкое и запутанное. Извини. Не хочу этого говорить, Гвен, но...

– Да, я должна быть осмотрительной. Знаю. Я работаю над этим.

Она окидывает меня взглядом.

– Ты забыла взять, верно?

– Не забыла. Просто оставила в машине, когда пошла забрать почту.

– Машина там, – указывает Кеция. – А ты торчишь здесь, как живая мишень, ты это понимаешь?

– Я поняла это, как только застряла здесь, следя за ящиком со змеей.

Она кивает:

– Хорошо. Не делай так больше. Мне, конечно, хотелось бы, чтобы большинство здешних болванов оставляли свое оружие в сейфах, – но не ты. Тебе оно действительно нужно. Так что не забывай удостовериться, что оно при тебе.

Я натянуто улыбаюсь ей, поскольку знаю, что она права, а я сделала глупость.

– Я поняла, – говорю ей. До меня доходит, что уже совсем темно. Обычно Кец задолго до этого времени помогает отцу подняться на холм, к его хижине. – Ты уже доставила Изи домой?

– Да, и именно поэтому не примчалась сюда первым делом. Извини, но мне нужно было проследить за его безопасностью.

– Хорошо. Поедешь сейчас домой?

– К Хавьеру, – отвечает она. Хавьер – ее любовник, даже, может быть (хотя я не спрашивала), долгосрочный партнер, но живут они по-прежнему отдельно. – Эй, Бето, ты закончил?

– Закончил, – говорит криминалист и закрывает ящик с принадлежностями. – Удалось получить немного. Несколько четких отпечатков, однако они, вероятно, принадлежат либо кому-то из семьи, либо почтальону. Но, может быть, нам повезет...

– Может быть, – повторяет Кеция. – Спасибо, приятель. Удачной дороги домой.

– Тебе тоже.

Когда он направляется к своей машине, взгляд Кец внезапно смещается, и она пристально смотрит вверх по склону. Проследив за ее взглядом, я вижу направляющегося к нам Сэма.

– Итак, – говорит он, – Ланни сказала, что ты солгала, будто с тобой всё в порядке, а теперь я вижу здесь Кец, плюс еще две машины. Какого черта тут творится?

Вздыхаю. Я надеялась избежать этого.

– Пойдем в дом, – говорю ему. – Лучше я расскажу всем сразу.

По пути делаю крюк к пикапу и забираю свой пистолет; как только беру оружие в руки, я чувствую себя увереннее. Знаю, что это неправильно: оружие не обеспечивает мне безопасность, просто дает возможность нанести ответный удар. ПТСР [3 - ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство.], очередная ложь. Мне нужно отучить себя рассматривать оружие как средство успокоения. Для меня это необходимое зло, но это не должно означать, что я нуждаюсь в нем.

– Гвен? – встревоженно спрашивает Сэм. Я улыбаюсь ему, хотя поводов для улыбки ноль.

– Я готова, – отзываюсь. Но на самом деле – нет.

Как только мы входим в дом, я запираю дверь и включаю сигнализацию. Ланни стоит, скрестив руки на груди и сместив вес на одну ногу. Коннор даже поднимает взгляд от книги, которую читает. Они тоже ждут объяснений.

– Как дела? – спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал нормально. Это не срабатывает. Ланни продолжает хмуриться, Коннор качает головой, а в глазах Сэма читается, что эта попытка успокоить всех была заведомо провальной. – Ладно. Значит, так: в почтовом ящике была змея.

– Что? – выпаливает Ланни. К моему изумлению, хмурое выражение пропадает с ее лица. Сэм замирает.

– Какая змея? – спрашивает Коннор. – Мокасиновая? Я видел тут мокасиновых змей и раньше.

– Не мокасиновая. Я не хочу, чтобы вы тревожились... – Голос мой затихает, и я понимаю, что должна это сделать. – Я солгала: мне нужно, чтобы вы тревожились. Мне нужно, чтобы вы понимали: после сегодняшнего дня ситуация уже не будет такой, как прежде. Вам нужно быть очень осторожными. И впредь почту будем забирать только Сэм и я. Хорошо?

– Мама, мы всегда очень осторожны, – возражает Ланни. – Ну правда, ты же это знаешь!

Но это не так. Это не так. И меня снова подташнивает при мысли о том, что ящик мог открыть Коннор или Ланни, или даже Сэм, хотя реакция у него даже лучше, чем у меня. Мои дети считают себя вполне параноидальными. Но они никогда не будут параноиками в достаточной степени – настолько, чтобы предотвратить все, что может случиться с ними. Самоуверенность может быть губительной.

Сэм пристально смотрит на меня.

– Ребята, дайте нам минуту поговорить, ладно? Коннор, помешивай бобы. И ты должен мне салат.

– Ладно. – Попроси об этом я, сын вздохнул бы так, словно я навалила ему на плечи половину земного шара. А вот Сэму вечно достается немедленное согласие. Я завидую.

Ланни сверяется с таймером на телефоне.

– Курица почти готова, – говорит она. – Осталось минуты три.

– Значит, достанешь ее, когда она будет готова, – отвечает ей Сэм, потом выключает сигнализацию и отпирает входную дверь. – Гвен?

Следую за ним наружу. Сейчас мне не хочется торчать на крыльце на виду у всех, и я выключаю наружное освещение. Мы стоим в темноте, пока мои глаза не привыкают.

– Что происходит? – спрашивает Сэм.

– Не знаю, – отвечаю я. – Змея в почтовом ящике, конечно, довела меня до нервной трясучки, как и то, что случилось сегодня утром. Я просто чувствую себя...

– Уязвимой? – уточняет он и обнимает меня. – Мне жаль, правда. Я знаю, что ты изначально не хотела участвовать в этом чертовом шоу, и мне жаль, что я отговаривал тебя недостаточно настойчиво. У меня было плохое предчувствие, и очень плохо, что оно сбылось. Я не думал, что они решатся устроить такое после всех переговоров и соглашений.

– Я тоже так не думала, иначе вообще не пошла бы туда. – Расслабляюсь, чувствуя его тепло, его силу. Рядом с ним я на пару минут могу отключить вечную настороженность, даже стоя под открытым небом. – Может быть, нам повезет. Может быть, кто-нибудь оставил отпечаток пальца на почтовом ящике.

– Ты так и не ответила детям, – напоминает он, поддевая пальцем мой подбородок. Вокруг темно, но не настолько, чтобы я не могла прочитать

выражение его глаз. – Что за змея это была?

– Полосатый гремучник.

– Господи, Гвен!..

– Знаю. – Опускаю голову ему на плечо. – Со мной всё в порядке. Даже со змеей всё в порядке. Никто не пострадал.

Я чувствую, что Сэм многое хочет сказать по этому поводу, но сдерживается. Понимаю, что он привел меня сюда, чтобы о чем-то поговорить, – но вряд ли о змее в почтовом ящике. Странно. Обычно он без колебаний поднимает неудобные вопросы.

Я думаю о том, как это странно. Время от времени на меня заново обрушивается понимание: Сэм – брат одной из жертв Мэлвина. Исходя из любой логики, он не должен находиться здесь, между нами не должно быть... такого. Начиналось все совсем иначе: я не доверяла ему, а он был глубоко убежден в моей виновности. Понадобились время, труд и страдания, чтобы прийти к этому моменту доверия и мира. И эти доверие и мир все еще хрупки, хотя мы и сумели выстроить этот мост. Но мост не из стали – из стекла. И иногда в нем возникают трещины.

После долгого молчания Сэм говорит:

– Послушай, насчет Миранды Тайдуэлл – она... она сказала, что реально собирается делать?

– Просто снять какой-то документальный фильм. И, полагаю, распространить его повсюду или хотя бы так широко, как сможет. Рискну предположить, что он не будет хвалебным. – Я пытаюсь произнести это небрежно, но не могу. Миранда Тайдуэлл до неприличия богата и до жестокости злобна, и если она не может в реальности опустить мне на голову топор, то сделает это в переносном смысле. Она осознаёт силу информации.

– Гвен... – Сэм убирает руки с моей талии и берет в ладони мое лицо невероятно нежным жестом, от которого у меня перехватывает дыхание. – Как нам это сделать? Скажи мне. Скажи мне! Как нам защитить от этого детей?

– Не знаю. – Я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы, и изо всех сил моргаю, чтобы загнать их обратно. – Может быть, мы не сумеем этого сделать. Может быть, нам придется просто помочь им жить с этим.

– Боже... – выдыхает Сэм. – Я надеюсь, ты ошибаешься. Очень надеюсь.

Он целует меня – нежно и осторожно, но под этой нежностью тлеет уголек страсти. И чуть-чуть отчаяния. Я чувствую это. Мы всегда и неизменно стоим на краю обрыва, под которым зияет глубокая темная пропасть. И сейчас эта пропасть кажется особенно опасной.

– Еда готова, – говорит Сэм. – Настолько нам всем нужно бояться?

– Сильно, – отвечаю я. – Мне нужно, чтобы и ты, и дети были настороже. – Я ненавижу это. Я ненавижу отбирать крошечный кусочек нормальной жизни, который мы выгрызли для детей. Но они должны понимать, что именно может случиться.

Мы накрываем на стол. К ужину у нас курица с розмарином, мое любимое блюдо. Это мило с их стороны. Курица вкусная, бобы приготовлены в самый раз. Салат получился просто мешаниной, но мои дети старались. Однако мне кажется, что никто из нас не чувствует вкуса по-настоящему: мы говорим о возможности того, что отношение к нам со стороны обитателей Стиллхауз-Лейк может стать еще более враждебным. Мы говорим об осторожности, о том, что нужно держаться рядом с друзьями и со взрослыми, которым мы можем доверять. Мы говорим о том, что делать, если что-то пойдет не так. Невеселый, но необходимый разговор.

Дети не возражают. Я вижу мятежную злость Ланни; она как раз вошла в тот возраст, когда хочется расширить рамки своей жизни, а не сужать их. Коннора все это тревожит меньше. Он уже достаточно давно стал замкнутым, и я предполагаю, что в ближайшее время это не изменится.

Однако мне нужно внимательно присматривать за дочерью.

Они просят разрешения уйти, и я позволяю это, хотя их тарелки еще наполовину полны. Мы с Сэмом прибираем кухню; я постоянно проверяю, не забыла ли включить сигнализацию. Он замечает это, но никак не комментирует. Я мою

тарелки и передаю ему, он вытирает их и ставит на место. Это происходит в уютном, спокойном молчании, но я все время мысленно возвращаюсь в студию, к тому леденящему ужасу, к тому, как я проиграла бой в прямом эфире. Это все равно что трогать горячую плиту, но я не могу остановиться.

Когда звонит домашний телефон, я почти признательна за возможность отвлечься. Я сохраняю телефонную линию по причинам безопасности. Девять звонков из десяти – это запись чьего-нибудь голоса с мошенническими предложениями, однако стационарный телефон в случае кризиса не так быстро выйдет из строя, как сотовый, – он не зависит от аккумулятора и энергоснабжения дома.

Мне кажется, пусть у нас лучше будет такой запасной вариант.

Тянусь к трубке, потом отдергиваю руку. Номер мне незнаком, поэтому я слушаю, как звонок принимает автоответчик. Старомодный способ, но так я могу сортировать звонки и брать трубку лишь в случае чего-то срочного. Приглушаю звук и собираюсь уйти. Но автоответчик прокручивает мне первые слова, и это приветствие, произнесенное на том конце линии обычным человеческим голосом:

– Э-э... здравствуйте, мне нужно... нужно поговорить с женщиной по имени Гвен Проктор.

Я чувствую, как из желудка поднимается тошнота. Конечно, я получала множество гнусных телефонных звонков. Безымянные чужаки выкрикивали оскорбления, радуясь возможности попинать упавшего. Безымянные мужчины подробно описывали мне свои фантазии о том, как они желают изнасиловать и убить меня или моих детей или всех нас. Жуткие незнакомцы заявляли, что влюбились в меня с первого взгляда и знают, что мы предназначены друг для друга, если только я пойму...

Но сейчас неуверенный женский голос продолжает:

– Пожалуйста, умоляю вас. Ответьте мне, пожалуйста. Я не знаю, куда еще могу обратиться...

И я понимаю, что это один из тех звонков.

Это началось несколько месяцев назад, со случайного звонка от дальней знакомой копа, у которого был мой номер. Женщина плакала и молила меня сказать ей, что делать, потому что она не знает, как ей жить дальше. Ее четырнадцатилетний сын похитил, изнасиловал и убил пятилетнего ребенка соседей. А потом на три дня спрятал труп под кроватью. Эта женщина нашла тело и сообщила о находке, передав собственного сына в руки полиции.

Она не была готова к ужасной правде: люди винили и ее тоже. Винили за то, что она вырастила убийцу. Винили за то, что не знала, не остановила его.

Я потратила час, пытаюсь помочь ей найти способы справиться с тем, через что ей пришлось пройти. В итоге нашла убежище для пострадавших от домашнего насилия, где она могла хотя бы на какое-то время спрятаться. Не знаю, что случилось с ней потом. Но она рассказала кому-то обо мне и о том, как я помогла ей. И началось...

За последние три месяца я получила несколько таких звонков. Бестелесные, полные боли голоса умоляли меня о помощи, об ответах, которых у меня не было. Самое большее, что я могла предложить им, – это понимание и слабое утешение, заключающееся в том, что не они одни живут в этом кошмаре.

Сэм смотрит на меня, и на лице его написано: «Не надо». И он, конечно же, прав. Нам не нужно дополнительных проблем. Я почти пропускаю этот звонок. Слышу дыхание этой женщины, слышу, как она давится всхлипом...

– Ну, ладно, – говорит она, и я различаю в ее голосе тусклую горечь. – Извините, что побеспокоила вас. Сейчас я положу...

Я хватаю трубку и говорю:

– Это Гвен. Что случилось?

На том конце линии раздается протяжный вдох.

– Извините, – отвечает женщина. – Мне казалось, что я могу пройти через это, не... не раскиснув вот так. Наверное, я просто не такая, как вы. Судя по тому, что мне говорили, вы практически сделаны из стали.

Я все еще понятия не имею, кто это и о чем речь, но прислушиваюсь к своим инстинктам.

– О, поверьте, это далеко не так, – говорю я ей. – Всё в порядке. Успокойтесь. Как вас зовут?

– М-марлин, – отвечает она. – Марлин Крокетт. Из Вулфхантера [4 - Вулфхантер (англ. Wolfhunter) – охотник на волков.]. – Она говорит с растяжкой, характерной для сельских районов Теннесси. – Это поблизости от... ну, наверное, поблизости от са?мого ничего. – Нервно смеется, и этот смех похож на звук трескающегося стекла. – Никогда не слышали о таком месте, верно?

Она формулирует это как вопрос, и я честно отвечаю:

– Не слышала. Чего вы хотите от меня, Марлин?

Она не переходит сразу к сути дела. Мне знакома эта тенденция; Марлин собирается ходить вокруг этой сути, собираясь с духом. Она рассказывает мне о своем городишке, о своем недовольстве работой, о жирном пятне, которое никак не может соскрести с деревянного пола. Я жду. Сэм заканчивает мыть тарелки. Затем пишет записку и передает ее мне. «Пойду поработаю». Направляется к нашему общему кабинету. Теперь там стоят два рабочих стола, на довольно большом расстоянии друг от друга. Сэм одновременно трудится поденным рабочим на строительстве и выполняет пару мелких обязанностей для коммерческой формы в Ноксвилле. Я несколько часов в день работаю в онлайн-поддержке бухгалтерского бизнеса и попутно беру за проекты по графическому дизайну. На обычной работе в офисе можно было бы обеспечить себе бо?льшую финансовую стабильность, но мне нравится быть дома, с детьми, особенно в такое невероятно долгое и жаркое лето. И мне нравится мысль о том, что даже сейчас я могу бросить все и бежать прочь, если понадобится. Мне потребуется много времени, чтобы отвыкнуть от этого побуждения. Если я вообще смогу отвыкнуть.

Наконец я понимаю, что моя собеседница выдыхается, поэтому вставляю реплику:

– Марлин, откуда вы вообще взяли этот номер?

- Одна женщина в соцсети сказала, что вы совсем не монстр, которым вас считают некоторые, и что ей вы помогли. Я спросила ее, сможете ли вы помочь и мне тоже. Она сказала, что, наверное, сможете, и дала мне ваш номер.

- В открытом доступе? На своей странице?

- По электронной почте, - отвечает Марлин. Голос ее звучит еще более нервозно. - А что не так?

По крайней мере, номер не был опубликован в Интернете, но все же, наверное, нужно его сменить. Или вообще избавиться от стационарной линии.

- Как ее зовут?

- Не знаю ее настоящего имени; в соцсети она прописана как Мелисса Торн.

Надо будет поговорить с этой Мелиссой.

- Ладно, - говорю я. - Вы можете сказать мне, что у вас не так?

Я предполагаю, что она заговорит о своем муже или любовнике или о ком-то еще из семьи. Может быть, даже о подруге. Но Марлин говорит:

- Не то чтобы именно у меня. Скорее... скорее что-то не так со всем этим чертовым городком. Ну, наверное, с некоторыми его жителями. Хотя это место никогда не было приятным. Тут с самого начала земля пропитана кровью.

Это никуда не ведет, и я начинаю думать, что меня разыгрывают. Быть может, ей просто одиноко и хочется поболтать.

- Даю вам еще минуту на то, чтобы вы сказали мне, чего ждете от меня. Потом я повешу трубку и больше не приму ваших звонков. Понимаете?

Она делает паузу.

– Понимаю. – Но не продолжает. Молчание тянется, наконец Марлин поспешно говорит: – Что я могу сделать, если здесь творится что-то плохое? Я не могу пойти в полицию, ни за что! Что делать, если я просто не доверяю людям в этом городе?

– Я могу дать вам контакты нескольких государственных служб, если вы про это спрашиваете. Но вам нужно будет сказать им, в чем действительно заключается ваша проблема. Во-первых, вам сейчас грозит какая-нибудь физическая опасность?

– Я... я так не думаю. Но это просто... это тяжело. Я не знаю, что с этим делать и куда обратиться. Я просто не хочу впутываться в неприятности сильнее, чем уже есть. – Она тяжело вздыхает. – Я – мать-одиночка, и моя дочь... с ней столько хлопот, понимаете? И нет никого, кто помог бы. Я должна быть осторожной. Это всё так сложно!

Изнутри это всегда сложно. Глядя со стороны, люди обычно полагают, что это так просто: оборвать все связи, уйти прочь... но человека на месте держит множество канатов. Дети. Родственники. Друзья. Работа. Деньги. Обязанности. Вина. И страх, так много страха! Самое опасное время в жизни женщины – когда она расстается с партнером, особенно склонным к насилию. Женщины инстинктивно знают это, даже если никогда не видели кровавой статистики. Иногда кажется более безопасным терпеть знакомого дьявола.

– Я знаю, может показаться, будто вы в ловушке, из которой нет выхода, – говорю я ей. – Но это неправда. Вы всегда держите в руках ключ от собственной клетки, понимаете? Вам просто нужно найти смелость воспользоваться им. Эта проблема как-то связана с вашим мужем?

Марлин втягивает воздух носом, словно собираясь заплакать.

– Нет. Он умер.

– Парень? Кто-то, с кем вы встречались?

– Нет.

– Ясно. – Это что-то новенькое. Большинство звонков, которые я получаю, связаны с насилием со стороны мужа или семейного партнера. Иногда – со стороны неизвестных преследователей. – Так кто же конкретно угрожает вам в данный момент?

– Это не... это не угрозы. Не совсем. И я не могу назвать ни одного имени, – отвечает она. – Это просто... если я скажу кому-то, то это отольется мне и моей дочери, и это будет ужасно, понимаете? А если я никому не скажу... я не знаю, как с этим жить.

– Извините, – говорю я так мягко, как могу. – Но я не психотерапевт и не юрист, и если вы замешаны в чем-то нелегальном, то все, что вы мне скажете, впоследствии может вызвать у вас проблемы с законом. Понимаете? Если вы хотите поговорить о чем-то, что вас пугает, но это не преступление, я могу дать вам контакты психолога или психиатра...

– Я не пойду ни к какому мозгоправу! – Голос ее звучит оскорбленно. В мелких поселениях в глубинке отрицательно относятся к психотерапии.

– Хорошо, Марлин, если вы считаете, что это может быть чем-то криминальным, почему тогда не можете обратиться в полицию? – Она ничего не отвечает на это. На линии молчание. – Вы боитесь их?

– Я боюсь всего, – отвечает она.

– А как насчет полиции штата?

Она втягивает воздух, затем выдыхает его.

– Может быть. Может быть, это и неплохой выход, я полагаю. Не уверена, что они поверят мне в этом, но я могу попробовать.

– Тогда советую вам побыстрее позвонить им. Иногда, если промедлить, могут погибнуть люди, и тогда вам придется всю жизнь жить с грузом этой ответственности.

Я лихорадочно размышляю, пытаюсь заполнить пробелы. Она говорит о соседях, которым что-то грозит? О друзьях? О ком-то еще? Я не знаю.

– Да, – говорит Марлин. Я слышу, как она беспокойно расхаживает туда-сюда. – Да, я это знаю. Но это маленькое поселение. Черт, да половина города между собой в родстве. Наверное, я должна разобраться с этим сама и... – Она резко умолкает, и я не слышу даже дыхания. Потом раздается приглушенный, поспешный шепот: – Мне нужно идти. Извините.

– Марлин, если вы не можете сказать мне, что происходит, я не знаю, как вам помочь.

– Приезжайте сюда, – говорит она. – Приезжайте сюда, и я покажу вам всё. Это недалеко от того места, где они зарыли то, что осталось. Вам решать, что с этим делать.

«Зарыли то, что осталось?» Это звучит какой-то бессмыслицей.

– Вы имеете в виду – приехать в Вулфхантер? Нет, я не могу. – Я ни за что не поеду в какое-то изолированное сельское поселение. Вооружена я или нет, готова сражаться или нет, – риск того не стоит. Больше никогда. – Позвоните в полицию штата. Вы это сделаете?

Она не отвечает. С тихим щелчком связь обрывается. Звонок завершен. Я кладу трубку и качаю головой. Ситуация меня беспокоит, но я не знаю, что еще могла сказать или сделать. Что бы ни происходило с Марлин, это странно, и я не могу не чувствовать подозрений. Я только что обнаружила в своем почтовом ящике змею. А теперь – загадочный звонок от женщины, которая изо всех сил пыталась убедить меня приехать в те далекие холмы...

Я не позволю заманить меня в ловушку. У меня есть враги.

И нынешний день только подтвердил это.

Я медлю у телефона, ожидая, не перезвонит ли она, но звонка нет. Наконец направляюсь в кабинет. По пути останавливаюсь и заглядываю в комнату Коннора. Он читает, как я и ожидала, и я не мешаю ему. Также меня не

удивляет, что Ланни с кем-то переписывается, и когда я стучу в ее открытую дверь, дочь едва поднимает на меня взгляд.

- Эй, кто звонил? - спрашивает она.

- Женщина, которой был нужен совет, - отвечаю я.

Пальцы ее спотыкаются и замирают, она переносит все свое внимание на меня. Моя дочь красива, но, помимо этого, в ее облике читается сильный характер. И изрядная доля упрямства. Представить не могу, где она этого нахваталась.

- Что ей было нужно?

- Честно? Я сама не очень поняла. Хотя мне не кажется, что ей грозит особая опасность. Она не боялась за свою жизнь - по крайней мере, не настолько, чтобы по-настоящему принять помощь.

- Ясно. - Ланни снова устремляет взгляд в мерцающий экран, пальцы ее с яростной точностью щелкают по клавиатуре. Я люблю смотреть, как она атакует вещи - так настойчиво, словно от этого зависят жизнь и смерть. Моя прекрасная Атланта всегда движется только на полной скорости. - Я ненавижу это, ты же знаешь.

Она говорит об опасности, об ограничениях, о том, как приходится ущемлять себя во многих важных вещах.

- Знаю, - отвечаю я ей. - Мы попробуем сделать так, чтобы стало лучше.

Добравшись до кабинета, обнаруживаю на своем столе открытую бутылку вина и полный стакан. У Сэма на столе тоже стоит стакан. Сам Сэм роется в ящике с бумагами, зажав сотовый телефон между шеей и плечом. Я беру стакан, артикулирую: «Спасибо» - и опускаюсь в свое кресло. Потом проверяю электронную почту.

Это сущий ад. Наверное, мне следовало этого ожидать, учитывая мое поражение в студии Хауи Хэмлина, но такого я не ожидала. Когда вижу, насколько увеличилось число анонимных сообщений с угрозами и оскорблениями, я жалею

о том, что поужинала. Пока что я игнорирую их; большинство все равно повторяются, как будто написанные текстовой программой. «Убей себя, уродская сучка. Окажи всем услугу и ступай в ад к своему муженьку. Разожги костер и прыгни в него». Ну и прочее в том же духе.

Перекидывая их все в папку «Для анализа», я вычищаю письма репортеров, желающих, чтобы я прокомментировала будущий документальный фильм. Кто-то услужливо подписывает меня на новостную рассылку «Погибших ангелов». Как мило!

Помимо этого, остаются еще четыре письма, каждое из которых содержит результаты автоматического веб-поиска, запрограммированного на ежемесячную доставку архива мне на электронную почту. Я слишком долго игнорировала «Сайко патрул» [5 - «Сайко патрул» - интернет-сообщество, занимающееся отслеживанием всего, что связано с преступлениями, совершенными сумасшедшими преступниками, садистами, маньяками и т. п.]. Но это понятно. Сначала я выздоравливала и приходила в себя, а потом... потом убедилась, что Мэлвина больше нет, «Авессалома» больше нет и все просто... станет лучше. Что мне уже нет нужды тревожиться так сильно.

Я была идиоткой. И теперь расплачиваюсь за этот короткий дурацкий приступ самоуверенности.

Начинаю с самого давнего и открываю отчет. Это просто заархивированный перечень ссылок, по которым упоминаются Гвен Проктор, Джина Ройял или любое другое из фальшивых имен, под которыми я пряталась в течение того или иного времени. По датам - вскоре после событий в Киллмэн-Крик.

Выглядит достаточно обычно. Если можно назвать обычными пытки, насилие и смерть. И, конечно, этих ссылок множество. Сотни.

Еще более зловещим выглядит то, что в каждом последующем отчете их число опасно растет. Ссылки, распространяемые там и тут, видео, форумы, новые группы в «Фейсбуке», посвященные преследованию моей семьи, хэштеги в «Твиттере». И это лишь общедоступная сторона. «Темная сеть» мне теперь почти недоступна. У меня есть браузер «Тор», который гарантирует мне анонимность, но в «темной сети» действует принцип «кого ты знаешь?», там полным-полно подпольных контактов и скрытых интриг. Когда-то для навигации

в этом мире я полагаюсь на группу хакеров, известную как «Авессалом», но тогда я не знала, кто такой Авессалом – точнее, что такое, – и платила ему за услуги. Без этого легкого доступа я могу лишь весьма ограниченно выполнять поиск на этих глубинных уровнях Интернета.

Но я вижу то, что находится на поверхности, вижу растущих монстров: день за днем комментаторы подпитывают страхи друг друга. Страхи, паранойю, ненависть и поспешные суждения. А вот, наконец, и ссылка на сайт «Погибших ангелов». Я щелкаю по ней, но могу попасть лишь на общедоступную главную страницу сайта – с фотоподборками, изображающими каждую из жертв Мэлвина. Мне трудно даже заходить сюда, смотреть на спокойные, улыбающиеся, полные надежды лица девушек, которые только-только вступили в жизнь. На умильных младенцев и детей, которыми они были в давние годы. Задолго до того, как попались в лапы моему бывшему мужу. Я продолжаю проматывать страницу. Как всегда, в самом низу размещается отдел новостей, в котором участники сообщества «Погибшие ангелы» – в основном родные жертв, но иногда и близкие друзья – размещают то, что считают важным.

На сей раз это не просто пост с воспоминаниями о дне рождения или праздновании окончания учебного заведения; это полный пресс-релиз, судя по дате, размещенный всего пару недель назад.

Он гласит, что съемки документального фильма «Погибшие ангелы» начались. И что фильм будет рассказывать не только о жертвах, но и о самих убийствах. О Мэлвине Ройяле.

И что еще важнее, о женщине, которая, вероятно, была его пособницей и ушла от ответа: о Джине Ройял.

Мне тошно. Я понимаю их боль, их гнев, их потребность хоть в каком-то облегчении, и я никогда не питала к ним ненависти за то, что они ненавидят меня. Пока что я могу быть лишь признательна за то, что в новости о съемках фильма нет никаких упоминаний о Сэме.

Очень многие люди внесли свой вклад в этот проект. Примерно десять тысяч человек, пожертвовавших сотни тысяч долларов. Это согласовано с некоммерческой организацией, которую Миранда Тайдуэлл основала в память своей погибшей дочери. Глядя на анонсы, я ощущаю еще более сильную

тошноту. Они сулят: «Ждите продолжения в ближайшее время».

Они действительно делают это.

Они действительно нападают на меня.

Сэм завершает разговор, и я слышу, как он зовет меня по имени, но не могу ответить ему сразу. Просто не могу. В попытке выкинуть из головы «Погибших ангелов» я щелкаю по другой ссылке. Теперь на экране появляется сообщение: «Открыт сезон убийств» – а ниже фотография, на которой я, Коннор и Ланни, бесстрашно смеясь, стоим перед нашим домом. Поверх фото наложена мишень, а на наших телах тщательно прорисованы в «Фотошопе» пулевые отверстия.

Сэм обходит стол, и я сворачиваю картинку вниз экрана – но недостаточно быстро. Он наклоняется и берет мышь. Снова разворачивает картинку. Смотрит на нее. Мне знакомо это молчание. Движения души Сэма неизменно глубоки, быстры и порой опасны.

– Что скажешь? – спрашиваю я его.

– Скажу, что это нужно распечатать и прямиком отнести в полицию, – отвечает он. – И в ФБР. – По счастью, у нас и там, и там есть друзья. – И еще я скажу – тот, кто сделал это фото, был здесь и наблюдал за вами. И я хочу знать, кто это был.

– Изначальный снимок мог быть сделан журналистами, – говорю я ему. – Они охотятся на нас с того дня, когда был убит Мэлвин. – Поскольку я никогда не соглашалась дать интервью, они делали кучу фотографий – обычно вот такие зернистые снимки – дальномерным объективом. – Это не означает, что герой «Фотошопа», обработавший его, находился или находится где-то поблизости.

– Но не означает и обратного, – возражает Сэм. – Извини, но я отношусь к этому серьезно.

– Полагаешь, что я нет? Это даже не самое худшее из всего этого.

Он смотрит куда-то мимо меня.

– Именно этого я и боюсь.

Я собираюсь позволить ему увидеть все это. Я колеблюсь, поскольку в моем разделе «Сайко патрул» лежат некоторые особенно жуткие вещи. Вещи, которые даже сейчас кажутся слишком личными, чтобы ими можно было поделиться. Но он должен знать.

– Хорошо, – говорю я. – Не хочешь присесть и взглянуть на все прочее, что у меня собрано?

Вижу, как он вздрагивает. Потом подкатывает к моему столу свое кресло и усаживается, подавшись вперед и опершись локтями на колени.

– Конечно, – отвечает. – Приступай.

Сэм считает, будто он готов.

Но я вижу ужас и отвращение в его взгляде, когда я начинаю листать содержимое папок.

Никто не может быть по-настоящему готов. Только не к такому.

3. Сэм

Достаточно плохо было уже то, что Миранда Тайдуэлл в это утро устроила «засаду» для Гвен на шоу. Но когда я услышал, что эта женщина еще и собирается снять документальный фильм, в голове у меня зашумело. Я не мог представить, что Миранда Тайдуэлл и Гвен Проктор могли, пусть даже на короткое время, оказаться в одном и том же месте. В своей голове я всегда держал их отдельно, в аккуратных закрытых коробочках, и не допускал встречи.

Но в жизни такое не работает, и сейчас, когда Гвен сказала мне о фильме «Погибшие ангелы», мне показалось, что я медленно падаю в глубокий темный колодец. Близится удар о дно, и этот удар будет смертельным.

Всё, что я могу сделать сейчас, – притвориться, будто ничего не происходит. Я продолжу жить обычной жизнью, настоящей жизнью – пока смогу. Поскольку то, что хочет представить публике Миранда... оно мертво. Так же мертво для меня, как для Гвен – ее замужество. Я твержу себе это, хотя и понимаю, что призрак Мэлвина никогда не перестанет преследовать никого из нас. «Мертв» не означает «исчез».

Когда же я просматриваю этот тошнотворный парад «троллей» с их дикими, изобретательными попытками причинить боль Гвен... хотелось бы мне сказать, что это удивляет меня. Но на самом деле – нет. Это кажется слишком знакомым – ужасно знакомым.

К тому времени, как мы просматриваем половину материалов, я уже ничего не чувствую по отношению почти ко всей этой гадости. Уверен, что Гвен тоже умеет впадать в такое состояние. Мы договорились отметить самые худшие оскорбления и завтра передать их в Нортонское управление полиции. По меньшей мере, на нашей стороне будет Кеция Клермонт. А детектив Престер, пусть и не самый добрый человек из всех, кого я встречал, хотя бы честен. Он испытывает легкое сочувствие к Гвен, оказавшейся в такой ситуации, и это уже неплохо. Сейчас нам нужно сделать все, чтобы правоохранительные органы обеспечили нам мало-мальски надежный тыл.

В нашем маленьком поселении Стиллхауз-Лейк нет собственных полицейских сил, разве что неформально: Кеция Клермонт живет неподалеку, на холме по ту сторону озера от нашего дома, поблизости от своего отца. Иезекил (для друзей – Изи) Клермонт – приятный в общении, энергичный старик, которому требуется помощь, хотя он настаивает, что нет. Я заезжаю к нему раз в пару дней, выпить с ним пива на его приозерной веранде – построенной на скорую руку и, скорее всего, без административного разрешения – и завезти ему какие-нибудь покупки. Он уже довольно долго живет на том холме, и все его богатые белые соседи наверняка презирали его, пока не случился экономический спад и они не поуждали в другие места. Мы приехали после этого. Гвен – для того, чтобы привести в порядок разоренный дом и сделать его своим. Я – для того, чтобы следить за ней и доказать, что она не та, за кого себя выдает.

Вот только я был неправ. Гвен – именно та. Она – одна из самых отчаянных и честных женщин, каких я когда-либо встречал. Было непросто приспособиться к этому, осознать это, но, приняв этот факт, я почувствовал себя... свободным. Как

будто гнев, владевший мною так долго, улетучился.

Мне страшно думать, что это чувство могло не уйти... а просто затаиться. Может быть, вся та ярость, которую я отбросил, все еще прячется где-то снаружи и теперь намерена обрушиться на нас.

Утром мы едем в полицию.

Нортон – типичный южный городок в нескольких милях от Стиллхауз-Лейк; его экономика балансирует на грани краха, цепляясь за надежды и молитвы. Об этом свидетельствуют и закрытые магазины, и выбоины на дорогах. Никто не обманывает себя мыслями о светлом будущем города, но все мрачно намерены работать над этим. Лично я люблю Нортон; мне нравится то, как здесь сохраняют здания, пусть даже они стоят пустыми. В этом месте есть некий стиль, хотя Гвен часто говорит, что городу это не поможет. Она склонна во всем видеть темную сторону. Я пытаюсь увидеть светлую – по крайней мере, в последнее время я сделал это своей задачей.

Здание полицейского управления с восьмидесятых годов не претерпело особой перестройки, но хотя бы парковка здесь вместительная. Войдя в само здание, мы немедленно натываемся на взгляд женщины, сидящей за конторкой. Этот взгляд, выражающий лишь подозрение, адресован Гвен. И не потому, что Гвен посторонняя – это потому, что она Гвен, и женщина за конторкой знает всё о ее прошлом.

Я выхожу вперед и прерываю эту игру в гляделки.

– Здравствуйте. Нам нужно поговорить либо с детективом Престером, либо с детективом Клермонт.

Женщина переводит взгляд на меня; он становится чуть-чуть теплее.

– Могу я спросить, зачем?

– Это конфиденциальный вопрос, – отвечаю я и улыбаюсь ей.

Кажется, это действует. Она берет телефонную трубку и набирает номер. Гвен смотрит на меня и закатывает глаза. Я пожимаю плечами. Не всегда надо держать каменное лицо, особенно в общении с людьми, которых мы хотим сделать своими союзниками.

Примерно через минуту Кеция открывает дверь, отделяющую приемную от остального полицейского участка, и жестом приглашает нас войти. Кеция – элегантная молодая женщина афроамериканского происхождения; в последнее время она носит прическу в африканском стиле – густую копну натуральных кудрей вокруг головы. Выглядит это зрелищно и гордо, особенно здесь, в относительной глуши. Индивидуальность этой прически резко контрастирует со стандартным бежево-коричневым брючным костюмом, который она носит; пиджак почти полностью скрывает наплечную кобуру. Когда она поворачивается, на ремне ее сверкает полицейский жетон; я придерживаю дверь перед Гвен, когда та следом за Кец направляется в детективный отдел.

Сам отдел не впечатляет – и неудивительно, учитывая, насколько невелик Нортон. Но, как и почти во всех маленьких городках, здесь полиции приходится бороться с изготовлением наркотиков, наркоманией и связанными с этим преступлениями. Так что вряд ли Кец готова к предстоящему разговору.

– Полагаю, вы тут не для светской беседы. – Она указывает нам на потертые кресла по дальнюю сторону ее стола. – Это насчет змеи?

Гвен вздыхает:

– Не совсем. Ты смотрела «Шоу Хауи Хэмлина»?

– Да, – отвечает Кеция. – Они ударили тебя под дых в прямом эфире. Мне жаль.

– Мне тоже.

– Тот документальный фильм, о котором они говорили... – Кеция на миг откидывается на спинку кресла, размышляя. – Они приедут сюда, ты же понимаешь, да? Захотят отснять город, местные достопримечательности, вероятно, поговорить с некоторыми здешними жителями, которые от тебя не в восторге. И мы ничего не можем с этим поделать, честно говоря. Можешь пойти в мэрию и попробовать получить постановление о судебном запрете, но

сомневаюсь, что это сработает.

- Да, но мы пришли сюда не из-за этого, - говорю я, потому что Гвен не отвечает.

- Кстати, у меня есть новости насчет змеи. Мы нашли отпечаток пальца, совпадающий с отпечатком Джесса Бельдена. Джесс - один из тех типов, о которых я тебе говорила, умеет ловить всяких разных ползунов. Проблема в том, что Джесс отрицает, будто сделал это, а единственного отпечатка мало, чтобы обвинить его хотя бы в хулиганстве. - Кеция качает головой. - Бельдены - мерзкая семейка, и похоже, что они терпеть тебя не могут. Есть какие-нибудь догадки почему?

Гвен говорит, что не знает. Я отвечаю не сразу, потому что... мне кажется, что я знаю. И что это - моя вина.

Откашливаюсь. Обе смотрят на меня. Такое ощущение, что на меня направлены сразу два прожектора.

- Бельден, - говорю я. - Ну этот Джесс... он ведь часто посещал тир?

- Раньше - да, - подтверждает Кеция. - Но потом его выгнали. Пару недель назад он явился пьяным, и кто-то в тире отобрал у него оружие, а когда тот попытался отнять обратно, уложил его мордой в пол. Бельден не подавал ни на кого заявление, но я слышала, что ему пришлось обратиться к стоматологу. А что?

Медленно поднимаю руку.

- Это я впечатал его физиономией в стойку. Он вел себя дико и представлял угрозу для других. Хавьер был в «предбаннике», а то он лучше справился бы с ситуацией. Полагаю, Джесс затаил обиду.

- Погоди, - говорит Гвен. - Ты хочешь сказать... это не из-за меня?

Поднимаю брови. Я не буду напоминать ей о том, что не все в мире происходит из-за нее. Гвен понимает это и прикрывает рот рукой - мне кажется, так она маскирует смех. Я рассказывал ей об этом происшествии, но когда я выкинул

этого дикаря – Бельдена – из тира, я даже не знал его имени. И понятия не имел, что выбил ему пару зубов.

Кеция, должно быть, улавливает облегчение, исходящее от Гвен, потому что говорит:

– Ну я не стала бы расслабляться, Сэм. Эти Бельдены любят делать людям гадости. Вряд ли вы в последний раз слышите о них.

– С этим можно что-нибудь сделать?

Она качает головой.

– Только поймать их с поличным. У вас есть камеры наблюдения, верно?

– За домом, не за почтовым ящиком.

– Направьте камеру в ту сторону, вот что я посоветую. Если они захотят повторить шутку, у нас по крайней мере будут улики.

Это мне уже больше нравится, но это не решает непосредственную проблему.

– Спасибо за совет, но... мы пришли не из-за этого. Мы пришли из-за угроз. Ты считаешь, за этим тоже могут стоять Бельдены?

Кеция снова садится прямо.

– Выкладывайте.

Гвен достает папку и передает через стол. Кеция открывает папку, и ей сразу же бросается в глаза отфотошопленный снимок. Несколько секунд она рассматривает его, потом решительно переходит к следующей странице. Это послание с угрозой убить Гвен за то, что она была сообщницей Мэлвина. Сообщение длинное, в нем слишком подробно перечисляются способы, которыми отправитель намерен осуществить правосудие.

Следующий автор обвиняет меня и Гвен в том, что мы – мошенники, действующие в рамках правительственного заговора, призванного убедить общественность в том, что маньяки действительно существуют. Автор угрожает убить детей Гвен (тоже актеров, конечно же), если мы не покаемся и не сознаемся в тайных замыслах правительства – который он расписывает во всех подробностях, включая разглагольствований о секретном сговоре богатеев и о чипах в наших дебетовых картах. Это полный бред сумасшедшего, вряд ли в этом можно усомниться.

Гвен сделала впечатляющую подборку угроз, и Кеция молча изучает их все, потом закрывает папку.

– Ничего себе, – говорит она; это звучит еще недостаточно сильно. – И за какой это период?

– Я взяла только за последние недели, – отвечает Гвен. – Полагаю, теперь, когда шоу Хэмлина попадет в Интернет, количество всего этого сильно возрастет. Подобные передачи всегда способны поднять градус безумия на несколько делений.

– Угу, – соглашается Кец и откидывается назад. – Итак, я могу затребовать ордер и проследить IP, с которых это всё было отправлено, но вы же знаете: мало шансов, что это делается с открытой учетки, которую легко найти, а если даже мы доберемся до этих людей, то обвинение против них выдвинуть трудно. А даже если и выдвинуть, до суда не дойдет. Так что в итоге...

– Вы просто угробите кучу времени и денег на расследование, но получите, скорее всего, просто пшик, – говорю я. – Так что ты советуешь... подождать, пока один из них не пристрелит кого-нибудь из нас, и это уже будет настоящее преступление, которое можно расследовать.

– Я этого не сказала, – отвечает Кеция, и я слышу, как ей изменяет профессионально-спокойный тон. Должно быть, я говорю с такими интонациями, когда меня что-то задевает лично. – Послушайте, я это сделаю. Я прослежу IP. Я потребую на некоторое время усилить патрули вокруг озера. Но, по сути, все эти послания не похожи на дело рук местных жителей, в частности Бельденов.

– Значит, ничто не способно остановить это, – говорю я. – Нам всю жизнь придется оглядываться. И дети вырастут в страхе.

– Сэм... – начинает она, но я не хочу слушать:

– Нет, Кец, не надо подмешивать сахар к кучке дерьма и называть это завтраком. Ты оставляешь Гвен и детей без защиты, в то время как люди явно желают видеть их мертвыми.

– Тогда тупой вопрос: чего ты хочешь от меня? Приставить к ним круглосуточную охрану? Привлечь ФБР? У них есть отдел, специализирующийся на интернет-угрозах, но они заняты двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, триста шестьдесят пять дней в году. У них меньше тысячи человек персонала на всю страну, так что, когда дело дойдет до ваших материалов, дети, скорее всего, уже вырастут. Я пытаюсь помочь. Но я не хочу врать. Видит бог, наши законы не успевают за преступлениями. Однако я – офицер правоохранительных органов и могу действовать только в рамках закона.

Я зол. Я не ожидал, что так разозлюсь, но я хотел бы получить больше. Гвен, похоже, на этот раз находится на стороне здравого смысла и спокойствия.

– Сэм, – говорит она, – Кец подходит к делу практично. Я не ждала ничего другого. И ты знаешь, какими смелыми Интернет делает некоторых людей – по крайней мере, пока они сидят за монитором.

Она смотрит мне в глаза, и я отвожу взгляд. Когда-то я был одним из этих злобных анонимов, обрушивающих на нее ярость через туманную завесу Всемирной паутины. Мы никогда не обсуждали это в подробностях, никогда не называли сетевых псевдонимов или конкретных угроз – ничего из того, что я мог творить в этот период мрачного угара. Легче оставить это позади, если не беречь зажившие раны.

– Неважно. Спасибо, что уделила нам время, Кец. Я просто хотела, чтобы ты была в курсе ситуации и оказалась готова, когда что-нибудь случится.

Я отмечаю выбор слов: «когда», не «если».

Кеция снова перелистывает содержимое папки к первой фотографии, на той, где Гвен и дети испещрены фальшивыми пулевыми отверстиями.

- Вот это меня беспокоит, - говорит она. - Больше, чем остальное.

- Почему именно это? - спрашиваю я. В папке есть и другие отфотошопленные снимки. И многие из них куда хуже.

- Это фото - другое. Автор не тратил время на фантазии и идеологию. - Она склоняет голову и внимательнее всматривается в фотографию, потом берет ее в руки и хмурится. - Понимаешь, большинство этих мерзавцев рисуют целую уйму ран, верно? Чем кровавее, тем лучше. Чтобы шокировать и напугать. Но это... - Она поворачивает фотографию к нам. - Что вы видите?

Мы оба молчим несколько секунд. Наконец я говорю:

- Выстрелы насмерть.

- Верно, - соглашается Кец. - Голова и грудь. Голова и грудь. Голова и грудь. И если посмотреть, куда приходятся раны, - это почти мгновенная смерть. Кто-то знает свое дело. Я начинаю беспокоиться об этом.

- Я тоже, - говорю я.

Потому что немногие вещи столь же опасны, как снайпер, который знает свое дело.

* * *

- Вероятно, она права, - говорю я по дороге домой. - Они - просто диванные воины. Но я хочу связаться с Майком и переслать ему это фото - просто на случай, если он видел что-то похожее или сможет найти что-нибудь. Я очень хочу знать, серьезно настроен этот тип или он просто еще один идиот с клавиатурой.

Гвен – отнюдь не диванный воин; она пережила куда больше, чем способно вообразить большинство людей. Я тоже не боюсь сражаться. Но сила и отвага – не защита против пули снайпера.

– Проверь в тире у Хавьера, – предлагает Гвен, и я мысленно пинаю себя за то, что не подумал об этом первым. – Снайперам нужно тренироваться, верно? Может быть, он знает кого-нибудь из местных, кто занимается там...

– Отправлюсь туда немедленно, – обещаю я. – Высади меня у пикапа. Наверное, следует вдобавок проверить пару сайтов по поиску работы.

– Ты вернешься к ужину?

– Посмотрим. А на ужин будет мясной рулет? – Это семейная шутка: по какой-то причине Коннор решил, что не получает достаточно мясного рулета, и теперь требует его едва ли не к каждой трапезе. Гвен старается не слишком потакать ему. Но дети пережили слишком многое, и дополнительная порция мясного рулета – невысокая цена за чье-то счастье.

– Не сегодня, – отвечает Гвен.

– Тогда буду.

Она останавливает внедорожник. Прежде чем вылезти наружу, я наклоняюсь и целую ее. Поцелуй получается долгим и нежным, и я начинаю сомневаться, нужно ли мне сейчас идти в тир. Но потом вспоминаю, что каждая секунда моего промедления сулит Гвен и детям все новые опасности.

Поэтому я иду.

Мой пикап немало поездил по ухабистым проселочным дорогам, но это настоящая рабочая лошадка, и я люблю его... за исключением тех моментов, когда мне звонят. За шумом мотора и лязгом кузова почти ничего не слышно, да и связь в этих местах не везде хорошая.

Номер, высветившийся на экране моего мобильного, пока я веду пикап вверх по склону холма к тире, мне незнаком; но код региона я опознаю? – округ

Вашингтон. Я принимаю звонок и повышаю голос, чтобы меня можно было слышать за шумом мотора:

- Да?

- Я поменял номер, - говорит Майк Люстиг. - Спасибо, что взял трубку, приятель. Боже, ты что, ведешь «Эф-пятнадцать»? [6 - Макдоннел-Дуглас F-15 «Игл» - американский самолет, знаменитый истребитель четвертого поколения.]

- Раздолбанный «Шеви», - отвечаю я ему. - Звучит похоже, да?

- Что? Я. Тебя. Не. Слышу. - Он чрезмерно выделяет каждое слово, но этим только подзадоривает меня пошутить.

- Тогда ты не услышишь и то, как я называю тебя ослиной задницей, которая вечно пропадает со связи на сто лет, - говорю я ему. - Когда ты звонил мне в последний раз?

- Если верить логам моих звонков - четыре месяца, плюс-минус.

- Вот именно. Ну и друг из тебя - как из дерьма пуля.

- Уйми свое нездоровое эго, у меня было тайное задание. Тебе понравилось бы: я должен был узнать, как печатают деньги.

- Новый план для выхода на пенсию?

- С учетом того, что тут творится, - вполне может быть, - отвечает он. - Правительственная служба - это не мармелад в шоколаде, но теперь она приобрела новый привкус навоза.

- Мудрец говорил, что и это пройдет.

- Мы знакомы с разными мудрецами.

- Значит... ты позвонил только потому, что тебе стало скучно?

- Нет, - отвечает Майк, и голос его звучит уже не так легкомысленно. - Гвен просто не может удержаться, чтобы не попасть в новости, да? Ты понимаешь, что это значит сейчас. Теперь из всех щелей снова полезут кошмарные уроды, охотясь на нее, на тебя, на детей... Черт возьми, ей просто нужно было держаться тише воды ниже травы!

- А ты хоть представляешь, как на нее давили? Ей нужно было просто выступить перед СМИ и попытаться оставить это все позади.

- И что, получилось? - Майк несколько секунд молчит. - Туда явилась чертова Миранда Тайдуэлл. Ты ее видел?

- Нет. - И я рад, что не видел. И не смотрел запись, выложенную на «Ю-тьюб». Просто не смог.

- Ты ведь и сам понимаешь, что вам нужно держаться подальше от всей этой мути, ведь так?

- По сути - так. Но спасибо, что считаешь меня тупым первоклашкой.

- Приготовишкой, - поправляет Майк. - И тебе, дешевому летуну, выше не продвинуться.

- Отвали, из моих налогов тебе платят твое огромное правительственное жалованье. Но ты наверняка не так часто об этом вспоминаешь.

У Майка низкий голос и еще более низкий смех, от которого вибрирует динамик телефона.

- Приятель, тебе иногда нужно иногда давать порку своему внутреннему белому ребеночку. Но послушай серьезно: то, во что вы с Гвен ввязались...

- Не надо. Даже не начинай.

- ...добром не кончится. И ты должен это знать. Рано или поздно кто-нибудь пострадает. Вероятно, она. И мы оба знаем почему, верно?

К этому моменту я уже подъезжаю к тиру и выхожу из машины. Некоторое время молчу, прислонившись к шершавым бетонным блокам, из которых сложена стена здания. Стоянка у тира набита битком, но снаружи никого нет, кроме меня и лягушек, квакающих где-то в лесочке.

– Да, знаю, – отвечаю. – Я тебя слышу. Но прямо сейчас она в беде. И я не могу просто... уйти.

– Гвен Проктор умеет выживать.

– Думаешь, я не умею?

– Думаю, когда-то умел, до тех пор, пока не расслабился... – Майк несколько секунд колеблется, потом вздыхает: – Послушай, я дал твой номер кое-кому. Прими звонок, ладно? Это важно.

– Во что ты меня втягиваешь?

– Ни во что такое, с чем ты не мог бы справиться, – говорит он. – Береги себя, Сэм. Мне пока что не наплевать на это. Хотя я так и не знаю почему.

– Это мило, но я все еще намерен обвинить тебя в подделке денег. Сколько за это дают – двадцать лет в федеральной тюрьме?

– Это грубо с твоей стороны.

Люстиг кладет трубку. Я заменяю его прежний номер в списке контактов на новый и стою на том же месте еще несколько минут. Он прав. Ситуация такова, что нам с Гвен, возможно, придется расстаться. Появление Миранды – признак наступления дурных времен. И мне нужно как следует обдумать, что это может означать. Но не сейчас. Чем дольше я сумею избегать этой конкретной проблемы, тем лучше.

Захожу в тир и спрашиваю у Хавьера, не видел ли он кого-нибудь подозрительного. И от того, что он не видел, мне не становится лучше. Слишком много мишеней намалевано у нас на спинах, и я ничего не могу с этим поделать. Тир сейчас забит до отказа, нет ни одной свободной стрелковой кабинки,

поэтому я просто слоняюсь снаружи. Мне нравится Хавьер. Он – отставной морпех, все еще достаточно молодой, и в нем есть основательность, которая заставляет людей прислушиваться к тому, что он говорит – каким бы тихим голосом он ни говорил. Хавьер может разрядить напряженную обстановку в тире, просто войдя в помещение; какие бы ссоры ни возникали между людьми, при его появлении они обычно затихают. Если бы, когда Бельден начал бузить, я позвал бы Хавьера, а не полез бы разбираться сам, дело, вероятно, ограничилось бы одним пристальным взглядом, а не побоями.

– Ты хочешь, чтобы я посматривал за чужаками, – говорит Хавьер, когда я уже собираюсь уезжать. По ту сторону бетонной стены раздается размеренная, приглушенная стрельба, похожая на удары молота, но мы не обращаем на это особого внимания. В тире следует беспокоиться тогда, когда стрельба прекращается, поскольку это означает, что все отвлеклись на нечто из ряда вон выходящее – или что кто-то пострадал. – Поверь, я так и сделаю. Как дети?

– Хорошо, – говорю я ему. Знаю: он по-прежнему чувствует себя виноватым за то, что Коннор и Ланни сумели выбраться из его хижины и влипнуть в неприятности – и это после того, как Гвен вверила их его попечению. – У них всё в порядке. И они скучают по тебе, жалеют, что ты не заходишь в гости.

Хавьер кивает, но на его лице читается выражение, близкое к нежеланию.

– Она не винит тебя, – говорю я ему. – Ничуть. Ты делал все возможное, чтобы уберечь их.

– Да, но этого оказалось недостаточно, верно? – отвечает он. – Я знаю, что она меня не винит. И от этого только хуже. – Смотрит на меня, потом отводит взгляд.

– Ну а я бросил их, – напоминаю я ему. – Как ты думаешь, каково мне от этого? Ты был с ними, оберегал их. А я – нет.

– Они любят тебя. Ты заставил их поверить в то, что у них снова может быть папа. Не отвергай этого, это важно.

Это действительно важно. И вдобавок чертовски страшно. Я не хочу причинять им боль, ни за что на свете, но прямо сейчас... прямо сейчас я не вижу, как избежать этого.

Я не ожидал, что звонок, о котором говорил Майк, поступит так скоро, – но он раздаётся в эту самую минуту. Отхожу в сторону, чтобы ответить. Еще один незнакомый номер, но на сей раз из Флориды. Похоже, из Майами. Я принимаю звонок и говорю:

– Сэм Кейд слушает.

– Мистер Кейд, – произносит спокойный женский голос на другом конце линии, – пожалуйста, оставайтесь на связи, мистер Уинстон Фрост хочет поговорить с вами.

Это имя мне незнакомо, но все вместе звучит так, как будто это какая-то важная шишка. Следует примерно полминуты тишины, потом в трубке раздаётся щелчок, и голос с лондонским вест-эндским акцентом говорит:

– Алло, мистер Кейд, очень рад беседовать с вами. Спасибо за то, что приняли мой звонок.

– Конечно, – отвечаю я. – Чем обязан?

– Видите ли, дело в том, что недавно я имел удовольствие встретиться с мистером Люстигом, и он узнал, что мне нужен пилот для нашего корпоративного самолета. Он решил, что вас может заинтересовать эта возможность. Однако я понимаю, что вы некоторое время не имели возможности заниматься этой профессией, так что...

«Летать». Я чувствую, как ускоряется мой пульс. Это непроизвольная реакция, я не хочу реагировать так. Но до этого момента даже не осознавал, как сильно мне не хватает полетов.

– Вероятно, поблизости от места вашего проживания очень много пилотов, которые соответствуют вашим требованиям, – осторожно отвечаю я. – И вы звоните в Теннесси человеку, которого никогда не встречали? Чье досье вряд ли даже читали?

– Откуда вы знаете, что я его не читал?

– Поверьте, записи, которые отражают количество моих летных часов, уже изрядно устарели.

– Вы говорите как человек, который не заинтересован в том, чтобы вернуться в пилотское кресло.

Именно так я и говорю – и лгу. Я хочу вернуться к полетам едва ли не сильнее, чем вообще хотел чего-либо за всю свою жизнь. «Так же сильно, как хочу, чтобы у меня был дом? Семья? Так же сильно, как хочу быть с Гвен?»

Эти вопросы разрывают меня изнутри.

– Позвольте, я перезвоню вам позже, – говорю. Я уверен, что это, скорее всего, означает «нет». И ожидаю, что он пошлет меня к черту.

Вместо этого он говорит:

– Конечно, вам нужно время, чтобы все обдумать. И, конечно же, вам придется переехать в Майами, чтобы постоянно быть под рукой, когда вы нам понадобится. Жалованье будет порядка примерно ста пятидесяти тысяч в год. Обычный полный социальный пакет. Мы не торопимся, и я понимаю, что для того, чтобы освежить свои навыки, вам нужно будет уделить некоторое время тренировкам. Для нас это не проблема. Мы рады будем принять вас условно, пока вы проходите эту программу.

Жалованье подозрительно высокое, учитывая, что я никогда не водил частные реактивные самолеты, – но легко могу научиться этому.

– Я буду единственным пилотом?

– Нет. Мы нанимаем трех пилотов, которые постоянно должны будут находиться в состоянии готовности. Помимо стандартного жалованья вам будет оплачиваться переработка, если ваше летное время будет превышать восемь часов в день. Сама заработная плата от количества часов не зависит.

Я молчу, глядя куда-то на горизонт.

– Что у вас за компания?

– Пардон?

– Что за компания постоянно держит трех пилотов в состоянии готовности и в качестве стартового заработка платит им столько денег?

– Прибыльная компания, – отвечает он. – Вы более чем вольны искать любые сведения обо мне и моей компании, конечно же. Моя помощница свяжется с вами в течение ближайших недель, чтобы услышать ваше решение. Спасибо, что уделите время, мистер Кейд.

– Спасибо, что позвонили, – говорю я, но он уже кладет трубку, и я смотрю на экран, пока тот не гаснет, уходя в спящий режим.

Кому, черт побери, рекомендовал меня Майк? И что мне с этим делать? Пройти собеседование? Солгать Гвен? Покинуть Стиллхауз-Лейк?

Честно говоря, в этот момент я действительно не знаю. Но одно точно: я проверю этого типа.

* * *

Исследования касательно Уинстона Фроста занимают пять минут сидения в машине со смартфоном. Он – глава «Фрост индастриз», крупного промышленного предприятия, заводы которого размещены по всему миру. Главная штаб-квартира компании находится в Лондоне, вторая – в Майами, третья – в Шанхае. По всей Сети раскиданы фотографии Уинстона Фроста, в основном со всяких благотворительных мероприятий; как обычно, есть те, кто хулит его, но в целом он выглядит достаточно законопослушно.

Посылаю Майку сообщение с вопросом на этот счет, но не получаю ответа – по крайней мере сразу. Я хочу знать, как именно Люстиг познакомился с этим человеком и что знает о нем. Номер Уинстона Фроста зарегистрирован на его офис в Майами, так что это не подделка. Я даже набираю его – и попадаю на ту же секретаршу со спокойным голосом. Благодарю ее и вешаю трубку.

Фрост – не первый богатый бизнесмен, с которым мне довелось столкнуться с тех пор, как я познакомился с Гвен. Прошлое такое знакомство, помнится, было не очень приятным... [7 - Речь идет о событиях, описанных в романе Р. Кейн «Темный ручей».]

Но, черт побери, стабильная работа, стабильный заработок. Полёты.

Я не хочу желать этого, но факт есть факт – желаю.

4. Ланни

Я сижу на кровати, скрестив ноги; передо мной стоит открытый ноутбук, и я жду, когда же Далия примет мой звонок по «Скайпу». Сигнал вызова всё гудит и гудит. И я начинаю паниковать, как обычно: «Что, если сегодня утром она проснулась и осознала, что больше не любит меня? Может быть, поэтому она не хочет со мной разговаривать?»

Знаю, что это глупо. Я достаточно долго ходила на терапию, чтобы знать, что у меня есть проблемы, сложности, сценарии – как ни назови. Я всегда боюсь, что мне сделают больно, даже если никто не хочет причинять мне боль, и именно поэтому в первую очередь я отвергаю людей. Я стараюсь больше не делать этого. Я влюбилась в Далию; когда она рядом, мое сердце колотится быстрее, а когда мы врозь, то мне хочется плакать, а это любовь, верно? Я хочу быть с ней все время. Но я достаточно практична, чтобы понимать, что такого не будет.

Завершаю звонок по «Скайпу» и проверяю Далию в соцсетях. Ее страница в «Инстаграме» показывает, что сейчас она на вечеринке в честь чьего-то дня рождения, и в позах на ее фото читается скрытая скука. Но, по крайней мере, я знаю, что она не избегает меня. Во всяком случае, не сегодня. «Не будь навязчивой, – говорю я себе. – Будь спокойной».

Не знаю, как это сделать. Я так долго пыталась научиться безразличию, что это уже кажется невозможным. Но, по крайней мере, я не ревную. Я же не ревную, правда?

Слышу, как открывается входная дверь, сигнализация издает предупреждающий звук, потом слышится быстрое попискивание кнопок на кодовой панели. Дверь закрывается, щелкает замок.

Мама дома. Но я не слышу, чтобы с ней пришел Сэм. Обычно они разговаривают друг с другом, входя в дом.

– Я готовлю курицу с терияки! Кто-нибудь хочет помочь? – зовет мама.

Остаюсь сидеть на месте, глядя в экран. Выглядит ли Далия счастливой, позируя с этой группой девочек? На следующей фотографии она обнимает одной рукой какого-то парня. Мама Далии сказала – когда думала, что мы не слышим, – что мы двое «просто проходим через эту фазу». Может быть, она и права, но только в отношении Далии. А вот насчет меня – сомнительно. Любить кого-то – это не «фаза».

– Привет, – говорил мама, возникая в дверном проеме. – Что случилось?

– Ничего, – отвечаю я, закрывая ноутбук. – Я собиралась на пробежку.

– Только не в одиночку, – возражает она.

– Мам, еще даже не начало темнеть. Я просто обегу вокруг озера.

– Ты не должна бегать в одиночку. Я пойду с тобой. Мне тоже не помешает размяться.

– Ты будешь задерживать меня, – говорю я ей. Она закатывает глаза. – Нет, серьезно, ты меня замедляешь.

– Ну я уже старая, – отвечает мама. – Но все равно пойду.

– А как же ужин?

– Я им займусь, – говорит мой брат, выходя из своей комнаты по другую сторону коридора. На шее у него болтаются наушники. Мама обнимает его за плечи, и он даже не напрягается. Какое-то время он это делал, но теперь ему лучше. По

крайней мере, мне так кажется. Мы мало разговариваем с ним с тех пор, как я обнаружила, что он выбирается из дома, чтобы позвонить нашему отцу. Я не знаю, что с этим делать и как сказать ему об этом. Меня злит, что он вообще это делал. Даже догадаться не могу зачем. И не хочу спрашивать.

– Чеснок и имбирь, зеленый лук, – говорит она ему и приглаживает торчащую прядь на его затылке. – Чеснок и имбирь нашинкуй мелкими кубиками, ладно? И не забудь помыть всё перед тем, как резать.

– Помою, – отвечает он. Наверное, неправильно то, что меня беспокоит его любовь к использованию кухонных ножей. Я имею в виду – он же хочет стать поваром, верно? А повара пользуются ножами.

Как и наш отец.

Мама идет в свою комнату, чтобы переодеться, а я снова открываю ноут и смотрю на себя. Думаю о том, не запостить ли селфи. Мне нравится моя сегодняшняя прическа; у нее классная форма, а сине-зеленые прядки, которые я сделала на черных волосах, все еще яркие. Слегка взбиваю волосы при помощи пенки и пытаюсь принять позу «Заставь Далию Вспомнить, Что Я Еще Жива», однако что-то в этой идее мне не нравится. Я захлопываю крышку и натягиваю спортивный лифчик и здоровенную старую футболку поверх легинсов, по боковым сторонам которых идет узор из кровавых капель. Пока зашнуровываю кроссовки, входит мама. Она бросает взгляд на мои легинсы, и я знаю, что она собирается сказать мне, чтобы я надела другие, но потом спохватывается.

Одно можно сказать о моей маме: она пытается. Она знает, что я пробую справиться с нашим дерьмовым прошлым на свой лад. Я не знаю, каким способом это делает она, – по крайней мере, не всегда знаю. А эти легинсы мне нравятся.

Я поднимаю брови. Мама вздыхает и качает головой.

– Ладно, – говорит она, – пойдем.

Когда мы уходим, Коннор стоит в кухне, с ножом и разделочной доской и всеми ингредиентами, которые ему нужно приготовить. Мама напоминает ему, что не следует отвечать на стук в дверь. Он отмахивается. Эту рутину мы все знаем.

– До встречи, коротышка, – говорю я.

– Эй, чучело, у меня есть нож!

По дороге к двери я показываю ему средний палец. Для нас такие шуточки в порядке вещей. Но какая-то крошечная часть меня все еще не считает это забавным.

Во время пробежки вокруг озера я задаю темп, однако пытаюсь сдерживаться. Я упорно работала над этим. Когда-то мама была быстрее меня, а я была не в форме, но теперь всё иначе. Ноги у меня длиннее, и, когда я набираю скорость, ей приходится потрудиться, чтобы не отстать. Но я милосердна. Я не стану совсем уж унижать ее.

Нам требуется примерно полчаса, чтобы пробежать полный круг, и это идеально. Мы выбрали правильное время дня. Солнце уже скрылось за деревьями и светит сквозь них длинными красивыми лучами, которые падают на воду и отражаются от нее. Когда мы пробегаем старую хижину Сэма, мама замедляет темп, и я тоже придерживаю себя, чтобы не убежать вперед.

– Что-то не так?

Сэм больше не живет в этой хижине. Ее отремонтировали, и теперь тут постоянно сменяются постояльцы – туристы, приезжающие на день-другой. Я от природы подозрительно отношусь к людям, которые не остаются на одном месте, когда могут это сделать. Я вспоминаю все те ночи, когда плакала в подушку, потому что нам снова приходилось переезжать, чтобы найти безопасное место – хотя бы на время.

Теперь я уже не плачу. По крайней мере, не об этом.

– Ты думаешь о чем-то? – спрашиваю я, и мама качает головой, прибавляя скорость и делая более широкие шаги. Я легко успеваю за ней. Мы огибаем следующий поворот, над нами смыкается тень, приходится обойти стороной очередного туриста. Он спускает на воду старую лодку, в которой лежит сумка-холодильник, и я сомневаюсь, что она предназначена для рыбы.

Мама, очевидно, не хочет разговаривать. Мы просто бежим, уравнивая скорость. Я уже чувствую второе дыхание, мое тело работает так, словно создано для бега, мой мозг наслаждается притоком «гормонов счастья». За полчаса обежать озеро нелегко, но мы не сбавляем шага... пока я не замечаю Иезекила Клермонта, сидящего на самодельной прибрежной веранде, которую он сколотил из деревянных поддонов. Это тощий старик с морщинистой кожей, которая немного темнее, чем у его дочери, Кеции. Седые волосы коротко пострижены. Иезекил сидит в раскладном кресле, подставив под ноги скамеечку, – он приходит сюда каждый день, если позволяет погода и если не ноет его искалеченное бедро. По сути, наверное, незаконно строить возле озера такую вот веранду, но, насколько мне известно, никто не тревожит Изи на этот счет. Может быть, потому, что несколько месяцев назад он спас девушку, позвонив в 911, когда ее каноэ перевернулось на беспокойной воде, а она решила – по-дурацки – снять свой спасжилет и доплыть до берега. Если бы местный водный патруль не подоспел к ней, потом пришлось бы искать ее тело в озере.

– Здравствуйте, мистер Кей, – говорю я, и мы переходим с бега на шаг. – Как дела?

Мне нравится Изи. И его дочь Кеция тоже. Его нельзя назвать чересчур веселым, но он умный и легкий в общении, и с ним всегда можно поговорить, когда мне это нужно. Иногда я прихожу сюда и рассказываю о своем отце. А Изи по большей части просто слушает и кивает.

– Говорят, что твоя мать вчера утром влипла в какие-то неприятности на телевидении, – отзывается он. – С тобой всё в порядке, Гвен?

– Конечно, – говорит она. – Просто еще один день в раю, Изи.

– Ты так считаешь? – Он пристально смотрит на нее, потом качает головой. – Та, другая женщина сказала очень многое. И люди могли прислушаться к этому.

– Могли, – соглашается мама. – Такое случалось и раньше.

– Не так, – говорит он. – Эти документальщики – они уже в городе. Остановились в отеле «Бродяга» поблизости от Нортон.

Я делаю резкий вдох. Документальные съемки – это камеры. Это люди, которые задают вопросы. Это люди, которые лезут в нашу жизнь. Я думала, что это всё, может быть, просто... исчезнет после «Шоу Хауи Хэмлина». Я думала, что, может быть, та блондинка, которая так резко обошлась с мамой, перестанет делать то, что делает. Я уже видела ее фотографию раньше. Она – мать одной из жертв отца. И у нее куча денег, которые она может потратить на то, чтобы испортить нам жизнь.

– Они здесь? – Я моргаю от резкого голоса мамы. В нем звучат тревожные ноты. Она сразу же меняет тон, но поздно – я уже расслышала. – Я хочу сказать – я не ожидала, что они приедут так скоро. Если вообще приедут.

– Они тут уже два дня, – говорит Иезекил. – Так сказала моя дочь, а уж она точно знает. Она присматривает за всеми чужаками.

– Забавно, – отвечает мама, – она не упомянула об этом сегодня утром, когда мы разговаривали с ней.

– Ты ездила к Кец? – Я немного удивлена: мама ничего мне не говорила. – Почему?

Она игнорирует мой вопрос и обращается к Изи:

– Вы видели эту съемочную бригаду?

– Они сегодня побывали здесь, – отвечает он и указывает дрожащим узловатым пальцем на ближайший въезд, где находится парковка для посетителей. – Установили камеру и некоторое время снимали озеро.

– С этой стороны? – Мама показывает. Он кивает. – Снимали озеро... и наш дом. – Голос у нее злой, и я не могу винить ее. – Они снимали наш дом!

Я, как и она, испытываю потрясение от того, что в нашу жизнь снова влезли без спроса. Окно моей спальни выходит на озеро. Видели ли они меня? Открывала ли я сегодня окно? Господи, задернула ли я занавески перед тем, как переодеться на пробежку? Я не могу вспомнить. Я всегда делаю это, так?

Люди снова следят за нами. Полагаю, это не ново, но когда такое происходило прежде, я была ребенком. Ну почти все это время. Теперь я чувствую себя... уязвимой. И мне это совсем не нравится.

– Ну может быть, – говорит Изи. – Не думаю, что вы были дома. Вы с Сэмом уехали до того, как они тут всё установили, а до вашего возвращения они уже свернулись и укатили. – Хмыкает, однако не похоже, чтобы он видел в этом что-то забавное. – Эти дураки пытались расспрашивать меня о вас.

– Что вы им сказали? – спрашиваю я, потому что мама молчит. Изи устремляет на меня взгляд светло-карих глаз и несколько раз моргает.

– Я сказал им, что у меня свои дела есть. Ланни, что еще я, по-твоему, мог сказать им? Если хотят узнать что-то еще, пусть спрашивают у других.

У мамы недовольный вид.

– Изи, и вы мне не позвонили? Я же знаю, что у вас в кармане мобильник.

– Не надо заставлять меня повторять старую шуточку, которая никому не интересна, – говорит он и медленно улыбается. – Я не позвонил, потому что не хотел, чтобы вы с Сэмом примчались сюда и влипли в неприятности. Киношники были здесь, а потом уехали. Может, вам и было бы приятно выбить из них дурь, но вас обоих арестовали бы, а они получили бы лишний эпизод для своего чертова фильма. Оставьте их в покое, вот мой лучший вам совет.

Он не упомянул о том, что я могла прийти сюда и спихнуть камеру в озеро, но я обязательно это сделала бы. И сделаю, когда они появятся здесь в следующий раз. И не скажу маме об этом заранее, потому что он прав: ее и Сэма могут арестовать. А если это сделаю я – ну и что? Вряд ли меня отправят в тюрьму. Я же просто глупый подросток.

– А что у вас в сумке-холодильнике? – спрашиваю я Изи. Она стоит рядом с его креслом – достаточно маленькая, чтобы он мог нести ее вниз с холма и обратно вверх.

– А что, ты хочешь пива, девочка?

– Я знаю, что вы такого не предложите, а она не возьмет, – говорит мама.

Изи достает маленькую бутылку воды и протягивает мне, потом передает другую моей маме.

– Надо хоть немного доверять мне, – говорит он. – Не горячись, Гвен. Лето будет долгим и жарким.

Мы быстро выпиваем воду, потом еще некоторое время болтаем с Изи. Вполне стоило прервать пробежку, чтобы поговорить с мистером Клермонтом. Он – интересный человек, и мне он очень нравится.

Наконец мама смотрит на горизонт, а потом на свои часы.

– Извините. Нужно идти домой и готовить ужин. С вами здесь все будет в порядке? Через час уже стемнеет.

– Я знаю. Кец скоро приедет домой и поможет мне подняться наверх.

– Хорошо. Если что-то будет нужно, позвоните нам.

– Большое спасибо, – отвечает он. – Ровной вам дороги, девушки.

– Спасибо, мистер Кей, – отвечаю я. И когда мы бежим дальше, я слышу, как он закупоривает пробкой бутылку, в которой уже нет воды. Оглядываюсь и вижу, что он пьет пиво и созерцает озеро. Набирая скорость, я спрашиваю: – Мам, а ты знаешь, что он когда-то был знаменитым?

– Что?

– Мистер Клермонт когда-то был знаменитым.

– Знаменитым чем?

– Он получил кучу наград на Вьетнамской войне, – отвечаю я. – Он давал показания в Конгрессе о некоторых плохих вещах, которые происходили тогда.

Многие люди ненавидели его за это, а многие, наоборот, любили. Но, я думаю, он понимает, каково это, когда на тебя охотятся. Как на нас.

Я вижу, что она этого не знала, и, надо сказать, это меня удивляет. Если бы проверка прошлого разных людей была олимпийским видом спорта, мама завоевала бы больше золотых медалей, чем Майкл Фелпс [8 - Майкл Фред Фелпс II (р. 1985) – американский пловец, единственный в истории спорта 23-кратный олимпийский чемпион.]. Мой брат-ботан определенно взял бы «серебро». И мне приятно, что я смогла удивить маму. И для разнообразия, это не было плохим сюрпризом.

От озерного мини-курорта Изи мы берем резкий старт и бежим наперегонки оставшуюся четверть пути. Я чувствую, как мои лодыжки и бедра начинают гореть, по мере того как дорога идет вверх по склону и мы приближаемся к дому. Мама вымоталась; я вижу это и гадаю, достаточно ли она спала. Она настолько устала, по сути, что забывает про почту, или, может быть, думает, что сегодня ее заберет Сэм, – не знаю.

Когда мама понимает, что я не бегу за ней, она останавливается и оглядывается назад.

– Иди, – говорю я ей. – Я хочу поговорить с Далией.

– Пять минут, – говорит она.

Я киваю. Когда мама направляется вверх по склону, к дому, усаживаюсь на камень по другую сторону дороги, ближе к озеру, и запускаю «ФейсТайм».

Гудок. Гудок. Гудок.

Далия не отвечает. Снова. Уже третий раз подряд, и это убивает меня. «Почему она не разговаривает со мной? Чем она занята? Что я сделала не так? О боже, а вдруг она с кем-то еще?..»

Я так занята этими переживаниями, что совершенно забываю – я не должна открывать почтовый ящик. Вспоминаю об этом, когда уже откидываю дверцу, а тогда уже слишком поздно, и я отскакиваю назад, на тот случай если там снова

змея.

Но змеи нет. Проверяю это, подсвечивая себе телефоном. Мама все равно убьет меня. Она только вчера запретила нам открывать ящик.

Теперь слишком поздно. Я поспешно перебираю почту. Спам, спам, политический спам. Какие-то счета. И еще два отправления – плоский конверт из плотной бумаги с наклейкой, на которой напечатано имя адресата: СЭМЮЕЛ КЕЙД. На конверте куча марок и обратный адрес: Ричмонд, штат Вирджиния. И еще одно простое белое письмо, тоже с маркой, без обратного адреса – на имя мамы.

Я замираю, потому что узнаю? этот почерк. Это почерк моего отца.

«Отец мертв».

Как он может что-то писать маме? На секунду я чувствую головокружение и тошноту и едва не роняю всю почту прямо на землю... но потом делаю несколько глубоких вдохов и сую письмо под штанину легинсов.

Я знаю, что должна отдать его маме, но... она годами утаивала его письма от нас. От меня. Она принимала все это на себя. Я видела одно из них – правда, только мимолетом. Мама пытается забыть об отце, и это письмо причинит ей боль, я знаю. Что бы ни было в нем, оно предназначено для того, чтобы причинить ей боль.

Я больше не позволю ему мучить ее. Она вынесла слишком много и никогда не давала нам понять, чего ей это стоило. Теперь я это знаю.

Я достаточно взрослая. Я могу сделать это ради нее, особенно после того, как видела, что стало с ней после этой дурацкой телепередачи. Я ненавижу людей, которые продолжают причинять ей боль. Ей это не понравится, но... я достаточно сильная.

Я просто разорву его и выкину. Она даже не узнает.

* * *

Остальную почту я кладу на кухонную стойку и говорю маме, которая разговаривает с Коннором, что пойду в душ. Она напоминает мне не сливать всю горячую воду, потому что она тоже взмокла. Коннор говорит что-то, на что я не обращаю внимания, потому что письмо, спрятанное под штаниной легинсов, словно жжет мне ногу. Когда закрываю и запираю дверь своей комнаты, я слышу, как к дому подъезжает пикап. Сэм вернулся. Я достаю письмо и кладу на кровать, потом отхожу назад и смотрю на конверт.

Это невообразимо. Вот письмо, на конверте почерк моего отца. Значит, я либо сошла с ума, либо этот мертвый маньяк раздобыл в аду письменные принадлежности.

И марки.

Я расхаживаю туда-сюда. Проверяю занавески – задернуты – и снимаю пропотевшую одежду для бега, потом бросаю ее в корзину для стирки. Надеваю мягкие хлопковые штаны и толстовку. На ней изображены черепа. Полагаю, это даже уместно.

Собираюсь порвать письмо – и пытаюсь, изо всех сил пытаюсь. Я хватаю его обеими руками и начинаю скручивать, но, едва чувствую, что бумага поддается, останавливаюсь.

«А вдруг в нем есть что-то важное?»

Слышу голос мамы: «Ничего из того, что может сказать ваш отец, не будет важным. Только жестоким».

Но... что, если там содержится какой-то ключ к тому, что он замышляет, и если я порву это письмо, то так этого и не узнаю? Нет. Я должна посмотреть. Хотя бы по-быстрому. Просто чтобы убедиться.

Сажусь на кровать и прежде, чем успеваю передумать, вскрываю верхний край конверта.

Внутри лежит письмо. Несколько листков, сложенных пополам. Я вспоминаю, как мама надевала латексные перчатки, прежде чем взять в руки его письма. Но у

меня нет перчаток. Я достаю письмо.

«Дорогая Джина» – так оно начинается, и я чувствую, как у меня пересыхает во рту. Мой отец пытался убить мою маму, и у него почти получилось. Но вместо этого она убила его. И теперь он называет ее по старому имени, по имени, которое она ненавидит.

Как будто ничего не случилось. Вот только случилось всё.

Руки у меня трясутся. Мне холодно. Глядя на его почерк, я почти, почти слышу его голос. Могу представить, как он сидит в камере и пишет это письмо, но уже не могу увидеть его лицо. Это просто размытое пятно, просто общие очертания. В основном я вижу его глаза. У него всегда были такие глаза, способные за секунду из добрых стать жестокими.

Откладываю письмо и вытираю ладони о штаны. Руки кажутся мне мокрыми, и я никак не могу сделать так, чтобы они не дрожали. «А вдруг оно отравлено?» – думаю я, но это глупость, такую чушь только по телевизору показывают: отравленная бумага, которая убивает, когда ее касаешься... Но в каком-то смысле отец отравлял всё, к чему прикасался.

«В последнее время я много думаю о тебе, потому что моя ситуация изменилась», – пишет он. Он имеет в виду – когда удрал из тюрьмы и был в бегах? Я не знаю. Я хочу перестать читать, а ведь я прочла только одну фразу. Я боюсь. Очень боюсь. «Я размышляю о том, как некогда полагал, будто ты можешь спасти меня от себя самого. Не твоя вина, что ты этого не сделала. Этого не мог сделать никто».

Не так уж плохо. Он словно бы почти извиняется. Почти.

Нет, Джина, я виню тебя не за это. Я даже не виню тебя за то, что ты сбежала, забрала наших детей, отказалась от нашей фамилии. Притворилась, будто ты никогда меня не знала. Я понимаю, почему ты это сделала.

Но ты знаешь, чего я не понимаю, неверная сучка?

Я не понимаю, почему ты считаешь себя особенной. Ты не особенная. Ты перестала быть для меня особенной еще до этого случая. Ты была просто удобным реквизитом для этого спектакля. Как и дети.

Мне кажется, что моя кровать проваливается через пол и падает прямо вниз. У меня кружится голова. Меня тошнит. И я не могу перестать читать.

Я думал о том, чтобы убить тебя. Думал об этом каждый раз, когда привозил новую в наш дом. В наше убежище. Я представлял, как приведу тебя туда, когда одна из них будет висеть там на крюке, покажу тебе, увижу, как тебя охватывает ужас, – а потом заставлю тебя занять ее место.

Это развлекало меня в перерывах между гостями.

Я останавливаюсь. Я просто... останавливаюсь. Листки выпадают у меня из рук и планируют на кровать. «Это твой отец. Вот таким он был. Вот о чем он думал».

Хочу заплакать, но не могу.

Пытаюсь смотреть на обстановку своей комнаты, сосредоточиться на том, что приносило мне радость. Мой пушистый розовый единорог, которого Коннор выиграл для меня в школе в прошлом году. Мои постеры. Краска, которую я выбрала для стен своей собственной, постоянной комнаты.

Но все это сейчас кажется кошмаром. Как будто все это нереально – кроме письма, лежащего передо мной на кровати.

Снова беру его. Не хочу этого делать, но мне кажется, будто я должна дочитать его до конца.

Я не понимаю, как ты оправдываешь свое распутство с братом последней, которую я забрал. Я не понимаю, почему он не придушил тебя во сне, а потом не

вышиб себе мозги. Может быть, так когда-нибудь и случится. Может быть – если он побольше узнает о том, как умерла его сестра, как сильно она мучилась, как долго умоляла меня покончить с ней. Надо подумать об этом. Может быть, я пришлю ему кое-что особенное.

Сэм. Он говорит о Сэме, боже мой... Я зажимаю себе рот рукой и продолжаю читать, потому что вижу, что конец близко, а я хочу, чтобы это закончилось, господи...

Ты не знаешь, кто он такой, Джина. Ты не знаешь, на что он способен. Я смеюсь при мысли о том, что ты приводишь в свою постель одних только монстров. Ты этого заслуживаешь.

Он говорит, что Сэм – монстр. Это неправда. Этого не может быть.

Когда-нибудь ты получишь то, что тебе уготовано. Может быть, не от меня. Но один из них, один из тех, кому ты доверяешь... это будет красиво.

Передай нашим детям, что я их люблю.

Навеки твой

Мэлвин.

Заканчивая читать, я понимаю, что задыхаюсь; мне приходится вытереть горящие глаза. Это больно, больно, потому что я слышу его в своей голове, и теперь я знаю, что уже не смогу не слышать его. Папа. Мой отец. Монстр.

Вот кем он был. И есть. Навеки.

Я не думала, что у меня еще остались какие-то иллюзии, которые можно разбить. Но сейчас, когда я сижу на кровати, дрожа всем телом, а передо мной разложены страницы письма, я понимаю, что этих иллюзий оставалось еще очень много.

А потом мне в голову приходит мысль: «А вдруг мама солгала? Вдруг он еще жив?»

И это ужасает меня настолько, что я хватаю подушку и прижимаю ее к лицу и кричу в нее, пытаюсь прогнать это чувство.

Услышав стук в дверь, громко ахаю. Внезапно у меня возникает ужасное убеждение, что за дверью стоит отец: мертвый, разлагающийся, ухмыляющийся во весь рот. Что он пришел за мной, чтобы забрать меня как свою гостью.

Мама говорит:

– Эй, я думала, что ты принимаешь душ... Ты закончила?

Я не уверена, что вообще могу ответить ей. Слышу, как она слегка дергает ручку двери, сглатываю комок в горле и говорю:

– Я переодеваюсь!

Надеюсь, мой голос не дрожит. Надеюсь, она не услышала, как я кричала в подушку.

– Ладно, – отвечает она. Я знаю, что у нее включился «материнский радар». – Ланни, с тобой всё в порядке?

– Уходи! – кричу я, заставляя себя рассердиться, потому что по-другому сейчас не могу справиться с этим.

Мама не уходит. Я представляю, как она стоит там, встревоженная, прижав ладонь к моей двери. Не понимая, чем вызвано мое настроение.

Потом спрашивает:

– Это из-за Далии?

«О, слава богу...» Я подавляю всхлип, собираю листки и сую их обратно в конверт.

– Да, – лгу я. Мне хочется спросить, жив ли на самом деле мой отец, но если я и спрошу, откуда мне знать, скажет ли она правду?

– Ты не хочешь поговорить об этом?

– Нет! – Я кладу конверт в верхний ящик, под стопку бумаги, и с силой захлопываю его. – Оставь меня в покое!

Она наконец уходит. Я слышу ее удаляющиеся шаги.

Сворачиваюсь в комок, так туго, как только могу, натягиваю одеяло на голову и снова кричу в подушку. И снова, и снова, и снова, пока у меня не начинает болеть голова и ломить все тело, как будто я подхватила грипп. Он довел меня до болезни.

Я говорю себе, что Сэм не стал бы лгать о смерти моего отца, даже если б мама и соврала. Нет, отец мертв. Это точно.

Но, когда закрываю глаза, я по-прежнему представляю, как он стоит возле моей кровати.

И улыбается.

Я знаю, что должна отдать это письмо маме. Должна сознаться ей, что прочитала его. Но я не могу, только не сейчас. Мне приходится прилагать все силы, какие у меня есть, просто для... просто для того, чтобы дышать.

Когда мама приходит сказать мне, что ужин готов, требуется еще больше сил, чтобы притвориться, будто мир остался прежним, нормальным.

Как будто я осталась нормальной.

Но я хорошо умею притворяться... как и мой отец.

5. Гвен

Я так и знала, что слишком близкие любовные отношения Далии и Ланни дадут трещину; слишком жарко горели их сердца, это не могло тянуться долго. Но как скажется такой разрыв на Ланни, в ее-то возрасте? Я боюсь, что это расставание, вдобавок к стрессу, который вот-вот обрушится на нас всех, может вызвать у моей дочери настоящие проблемы. Она сильная, но отнюдь не неуязвимая – как и я.

Если вся эта пакость со съемками документального фильма – не пустые слова, если они действительно здесь, мне нужно очень серьезно обдумать наше будущее в Стилл-хауз-Лейк. Было бы славно, если б наши соседи в едином порыве выступили против них, но я сомневаюсь, что такое случится. Слишком многие с самого начала невзлюбили меня, а еще большему числу не понравилось то, как закончилось дело с местным копом Лэнселом Грэмом, хотя он определенно заслужил это. И если им под нос сунут микрофон, у них появится шанс высказать свое недовольство.

Я не могу подставить своих детей под перекрестный огонь – снова. Только не это.

Курица с терияки уже готовится – мы с Коннором и Сэмом наслаждаемся процессом, хотя на кухне тесновато. Сэм ухитряется поцеловать меня, когда я протискиваюсь мимо него, чтобы поставить рис на плиту, и на обратном пути я возвращаю этот поцелуй. Мой сын лишь закатывает на это глаза и продолжает шинковать капусту для кисло-сладкого салата.

– Это должна была делать Ланни, – ворчит он.

– Ей сейчас плохо, – говорю я ему. – Ты же не против, верно?

Он отвечает, что не против, хотя на самом деле против. Сэм говорит:

– Я узнавал у Хавьера. За последнюю пару месяцев в тире не было ни одного нового посетителя, помимо обычных туристов. Никто не упражнялся в стрельбе с дальних дистанций, не считая охотников, которых он уже знает.

Сэм имеет в виду – нет свидетельств того, что снайпер появлялся в городе и тренировался в тире, чтобы убрать нас. Конечно же, если этот снайпер – наемный убийца, у него нет никаких причин являться в тир Хавьера; он может практиковаться где-нибудь еще, далеко отсюда; может приехать, сделать свое дело и уехать. Отсутствие улик мало успокаивает, и мы оба это знаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тед Банди, Гэри Риджуэй, Деннис Рейдер – печально известные серийные убийцы.

2

11 сентября 2001 года – дата террористической атаки в США, в том числе на Всемирный торговый центр, приведшей к гибели более чем трех тысяч человек.

3

ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство.

4

Вулфхантер (англ. Wolfhunter) – охотник на волков.

5

«Сайко патрул» – интернет-сообщество, занимающееся отслеживанием всего, что связано с преступлениями, совершенными сумасшедшими преступниками, садистами, маньяками и т. п.

6

Макдоннел-Дуглас F-15 «Игл» – американский самолет, знаменитый истребитель четвертого поколения.

7

Речь идет о событиях, описанных в романе Р. Кейн «Темный ручей».

8

Майкл Фред Фелпс II (р. 1985) – американский пловец, единственный в истории спорта 23-кратный олимпийский чемпион.

Купить: https://telnovel.com/keyn_reychel/volch-ya-reka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)